

ТАТЬЯНА КОРОСТЫШЕВСКАЯ

**СЫСКАРЬ
ЧАРОДЕЙСКОГО ПРИКАЗА**

Annotation

Нелегко женщинам в мужских профессиях, даже умным, даже талантливым, даже таким, как Евангелина Романовна Попович, чиновник восьмого класса сыскного корпуса Берендийской империи. Особенно ежели работа твоя сыскарская в столичном чародейском приказе, а ты ни разу не чародей и даже не чародейка. А тут еще и червовый интерес нарисовался, кроме казенного. Потому как в начальниках у барышни Попович самый что ни есть великий берендийский волшебник Семен Крестовский, прекрасный, как античная статуя, и вредный, как сдобная булочка перед сном.

Татьяна Георгиевна Коростышевская

Сыскарь чародейского приказа

© Коростышевская Т. Г., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава первая

В коей провинциалка прибывает в столицу

Никакое бесполезное слово или бесполезная речь да не изыдет из уст твоих, всякий гнев, ярость, вражда, ссоры и злоба да отдалится от тебя, и не делай, не приуговаривай никаких ссор: все, что делаешь, делай с прилежанием и с рассуждением, то и похвален будешь.

Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению...

Запах в комнате стоял мерзейший. Не запах даже, а вонь – смесь тухлятины, влажной земли, прелости и смерти. Городовой прошел, топоча сапожищами, разбрасывая сор на вытертый ворс прикроватного и прикаминного ковриков, распахнул окно. С улицы донесся гул ночного города, города, который никогда не спит, и прохладный воздух слегка разбавил зловонные миазмы.

Крестовский убрал от лица пропитанный ментоловой мазью платок и спрятал его в карман сюртука.

– Что скажете, Семен Аристархович? Недаром вас вызвали, по вашему ведомству дельце?

Обер-полицмейстер Петухов сиял, даже бакенбарды его, русые с проседью, будто светились. При его немаленькой должности на дело выходить получалось крайне редко, а душа этого самого дела требовала постоянно. Андрей Всеволодович Петухов еще совсем недавно в чине полковника отдавал приказы служивым на границе Берендийской империи и в кресле обер-полицмейстера свой боевитый нрав обуздать никак не мог.

– По моему, Андрей Всеволодович, ох, по моему.

Крестовский быстро оглядел помещение, освещенное дюжиной мощных полицейских фонарей. Труп находился на кровати. Крестовский его видел и больше смотреть не хотел. Зрелище было отвратительно в своей противоестественности. Дворник, которого хозяин меблированных комнат Попестов заставил взломать двери, до сих пор заикался на кухне, отпаиваемый чаем сострадательными половыми.

– Страсть-то какая, – бормотал он. – Сколько живу на свете, никогда такого не видывал! Раздулась, как жаба дохлая, а потом... лопнула... – И мелко-мелко крестился.

Попестов держался получше – деловито осматривал поврежденную дверь, шевелил губами, видимо, подсчитывая упущенные барыши:

– Не знаю, кто такова. Комнату снимала уже с лютаго, платила исправно, в книге записалась как вдова Жихарева купеческого звания. А у нас же знаете как, ежели денежка исправно вносится – мы к постояльцам в душу не лезем.

Допрос велся тут же, за столом, накрытым на двоих. Сыскарь Толоконников сдвинул в сторону бокалы, блюдо с устрицами, оплывшие до огарков свечи и установил прямо на скатерти небольшой самописец. Толоконников дело свое знал, толстые пальцы бегали по клавишам с ошеломляющей быстротой.

– Хаживал к ней кто?

– Не мое это дело, – бормотал Попестов, – да только ходили. Разные господа, но все как

один приличные да холёные.

– А описать ты мне их можешь, мил-человек? Вот, положим, поселилась твоя жиличка, обустроилась...

– Так и не обустроивалась она особо. Только для встреч комната эта ей нужна была...

Крестовский отвернулся. Протокол допроса он потом прочтет, со всем возможным вниманием. Он еще раз обвел взглядом комнату. Дешевый меблированный номер. Панцирная кровать, вешалка за ширмой, изо всех сил пытающейся выглядеть стильной, круглый обеденный стол, зеркальное трюмо с обтянутым вытертым бархатом пуфиком.

Женщина пришла сюда одна, около десяти вечера. Ее видел дворник, который помог ей поднять на второй этаж одежный кофр. Вон он, кофр, в углу, за ширмой, раскрыл створки, будто приглашая внутрь. Он пуст. Значит, женщина переделалась. Ужин ей доставили около половины одиннадцатого. Она одарила полового грошиком за то, что лед под устрицами был свежим и не подтаявшим. Зажгла свечи...

Семен чуял магию, сильную, страшную, чужеродную. Он прикрыл глаза, восстанавливая в памяти все, что он уже успел увидеть на месте преступления.

Зажгла свечи... Подошла к трюмо, присела...

Крестовский опустил на пуфик, глядя прямо перед собой, потянул руку к пуховке. Нет. Гребень. Тоже не то!

Длинные пальцы перебирали безделушки, сваленные на полированной подставке. Зеркальце – грошовая вещица: латунная оправа в виде крошечных паучков, дешевое напыление, уже пошедшее трещинами.

– Что-то обнаружили, Семен Аристархович? – Петухову было скучно, его деятельная натура требовала немедленной поимки и наказания преступника.

Крестовский поднялся:

– Судя по степени разложения тела, пострадавшая была убита в результате введения под кожу яда, по действию похожего на паучий. Может, медицинское дознание скажет нам больше. Но одно скажу точно: здесь был маг – чародей высочайшего класса, каких в нашем городе, да и во всей империи, по пальцам пересчитать можно. Вашим орлам я бы рекомендовал опросить соседей и работников, дабы выяснить личность всех господ, с которыми убитая здесь встречалась, и узнать, не было ли среди них чародеев.

– А вы? Батенька, вы же понимаете, щелкоперы со всех сторон обступят. Такая сенсация! Завтра же во всех газетах будет.

– Мы со своей стороны будем добывать информацию о ядах, способных менее чем за сутки почти полностью разложить человеческое тело, а также предоставим разбойному приказу все данные о чародеях высочайшего уровня, находящихся сейчас в столице, – твердо проговорил Крестовский. – Время в любом случае уже потеряно, по горячим следам сделать ничего не удастся.

– А ваши-то добры молодцы когда подтянутся?

– С серпня первого числа весь чародейский приказ будет в вашем, ваше высокопревосходительство, полном распоряжении.

И статский советник Семен Аристархович Крестовский, откланявшись, покинул место преступления.

Петухов покачал головой: «Наглый мальчишка! Ужо попадись он мне годика два назад, да в гарнизоне, я б на нем живого места не оставил!»

– Толоконников! Проследи, чтоб все твои писульки до чардеев дошли.

– Так точно, ваше высокопревосходительство! – усердно проорал сыскарь, щелкнув под столом каблуками, и вернулся к допросу.

Комната пахнет жасмином и грехом. Тонкие-тонкие шторы кольшутся от едва заметного сквозняка. На столе сверкает хрусталь, горят свечи, томятся серые раковины устриц на истаивающих ледяных подушках, вино дышит в открытой бутылки.

Ночь, женщина, шелк, предвкушение. Самой женщины мне не видно, я как будто нахожусь внутри ее, смотрю ее глазами. Мне видны изящные обнаженные руки, поправляющие кружево пеньюара, я ощущаю приятную ткань, томление, разливающееся внизу живота. Часы на каминной полке тикают. Два или три часа? Мне не видно. Раздается звук ксилофона или ветряных колокольчиков. Приятная механическая мелодия, но отчего-то она повергает меня в ужас. Женщина оборачивается к двери. Ее руки дрожат, покрытые мурашками. Она не боится, она возбуждена:

– Ну наконец-то!

Я не вижу посетителя. Так бывает во сне – только какой-то силуэт в дверном проеме. Женщина моргает, дрожит, ждет. Силуэт приближается, женщина раскидывает руки для объятий... В следующий момент она кричит от невероятной боли, от разочарования. Муха в паутине. Хелицеры, паучьи жвала, с хрустом входят в нежную плоть. Вспышка. Крик. Темнота.

Вагон трянуло; я проснулась, стукнувшись правым виском об оконное стекло. Газетные листы зашелестели, слетая с коленей на пол. Жирный заголовок «Пауки-убийцы на тропе войны» оказался как раз сверху. Перфектно! Угораздило же меня заснуть в такое неподходящее время! Я же клялась себе только ночью спать, чтоб получить все возможные впечатления от первого в своей жизни путешествия! Сколько времени потеряно! Я взглянула на приколотые у корсажа часики. Два часа! Еще и слюни, наверное, во сне пускала...

Я украдкой оглядела других пассажиров. Никто на меня пальцами не показывал и вообще внимания не обращал. Кроме меня в крохотном купе путешествовала пожилая пара – Скворцовы, по виду купеческого звания, но неприветливые, как бирюки, и три нарядные, кто во что горазд, барышни. Невольно уловив обрывки их шушуканий, я знала, что девушки – провинциальные хористки, шансонетки, направляющиеся покорять столицу. Соседей мне посадили недавно, а так я от самого Вольска наслаждалась свободой и одиночеством.

Дверь купе отъехала в сторону.

– Прибываем на станцию Поповка. Стоянка двадцать минут. Рекомендую пассажирам прогуляться по перрону. Далее до Мокошь-града состав проследует без остановок. – Вагонный оттарабанил текст как по писаному.

Мое «спасибо» разбилось о быстро закрывшуюся дверь. Видимо, проявлять вежливость в дороге было с моей стороны лишним.

Колеса протяжно завизжали. Состав остановился, гася скорость.

– Поповка! – проорал вагонный в коридоре и загредел металлом дверей и подножек.

Спутники мои поднялись с мест, засуетились, желая сколь возможно быстрее приступить к моциону на перроне. Угрюмый Скворцов, воспользовавшись случаем, быстро и незаметно для супруги облапил одну из шансонеток. Я сидела, ожидая. Не люблю суеты. Когда вагон опустел, я вышла в коридор, дощатый пол которого был грязен, а оконца – мутны. Билет второго класса позволил мне путешествовать вот с таким вот относительным комфортом. Матушка настаивала, чтоб ее чадушко Геля купила билет в первый класс, где

подушечки сидений были мягкими и разносчики баловали богачей канопе и горячим чаем. Но чадушко, то есть я, видимо унаследовавшее прижимистость от покойного батюшки, предпочло сэкономить семейные финансы. Мне и второй класс немало обошелся. Потому что поезд – гнумский, стало быть – частный, стало быть – дорогой. На казенке доехать вполтину меньше бы вышло, но и времени бы вдвое больше потребовало – всем известно, что гнумы над своими поездами подколдовывают, оттого и скорость у них приличная, и поломок в дороге почти не случается. А в приглашении четко указано: «Явиться Е. Попович первого числа серпня по адресу Мокошь-град, улица Верхняя, дом Кресты». Кстати, адресок-то уточнить придется, а то как туда с вокзала добраться, я даже не представляю. И кто столь чудно дома-то обзывает? Дом Кресты! Нет чтоб номера по улице всем понамалевывать. И почтарям сподрука, и мне не заплутать. Мокошь-град – это же вам даже не Вольск, огромный город, столица.

Я свернула налево, в дамскую комнату, на удивление чистую и удобную. Там был рукомойник с полотенцами, зеркальце, прикрепленное над ним, и даже объемный несессер с гребнями, пуховками и разной швейной мелочовкой. Пользоваться вещами общего пользования в местах общего пользования я была не приучена, собственные мои туалетные принадлежности остались в багаже – непростительная оплошность, за которую я себя не раз еще укорю, – поэтому я просто положила очки на полочку рукомойника и поплескала в лицо водой, затем пригладила мокрыми руками растрепавшиеся в дороге волосы. Из зеркальца на меня смотрела барышня самой простецкой наружности: излишне круглолицая – неизвестно, от какого предка мне достались в наследство эти высокие скулы, но удружил он мне знатно, с острым подбородком, пуговкой носа, на которой умещалась дюжина веснушек, и глазами-плошками лягушачьего цвета. Я вздохнула. Ничего-ничего. С лица воду не пить. Тем более что в человеке наиглавнейшую роль играют не внешние, а внутренние качества. Коли бы я когда-нибудь замуж собралась, а в мои почти двадцать годков возможность этого приближалась к нулю, мой избранник был бы так же, как я, неказист, но прекрасен душой. А еще он разделял бы идеи суфражизма, кои я почитаю единственно верными.

Я надела очки, которые, по меткому замечанию маменьки, нужны мне были, как корове седло. Зрением я обладала превосходным, но решила, что барышне, чей цвет волос соперничает с цветом взбесившейся морковки (матушка и здесь не оставляла меня добрым словом), следует хоть каким аксессуаром подчеркнуть свою деловитость. Потому как эта барышня ехала в столицу работать. И не певицей или белошвейкой, а...

Дверь туалетной комнаты прогнулась, будто в нее пытался вломиться медведь-шатун. Я повернула защелку и едва успела вжаться в стену, чтоб не получить увечий.

– Ну сколько можно там торчать? – крикнула гневно одна из моих попутчиц-хористок. – Битый час жду, когда освободится!

Я сочла ее поведение невежливым и попросту скандальным. Но мы, суфражистки, обязаны хорошо относиться ко всем женщинам без исключения. Ибо они – наши сестры во... Неважно, в чем, после придумаю.

А сестра моя «по полу» тем временем ввалилась в комнату, даже не позволив мне прежде выйти. «Сестра по полу» – как-то не очень... Суть передает, но звучит отвратительно. Надо будет еще подумать над терминологией. Я так и осталась стоять у стены.

Хористочка моей брезгливостью не обладала. Она раскрыла несессер, стала по очереди доставать флакончики, нюхать, душиться за ушами и на сгибах локтей, затем завладела

картонкой с пудрой и стала обильно пудриться. Я чихнула.

– Звать как? – строго спросила барышня.

– Геля, – ответила я, давя в себе желание присесть в книксене, поскольку в тоне собеседницы мне послышались маменькины интонации, коим я противостоять не могла.

Хористка была хорошенькой – обладала той самой юной красотой, которую не могли скрасть ни вульгарные одежды, ни обилие краски на лице. Моложе меня, лет семнадцати, наверное. Но в ее карих глазах сквозила некая умудренность жизнью, которую я, девочка домашняя и залюбленная, приобрести в свои годы не успела. Барышня хмыкнула, имя мое одобряя:

– А меня – Жозефина.

Я тоже хмыкнула – остроглазая моя попутчица со своими смоляными кудряшками своему псевдониму очень соответствовала.

– Это не прозвание для сцены, – правильно расшифровав изданный мной звук, пояснила барышня. – У меня и в метрике так записано. Родители мои очень синематограф обожали.

– Жозефина и история коварного обольщения? – уточнила я.

Та кивнула.

– А как же тебя родители одну в дорогу-то отпустили, дитяtko?

– А чего такого?

– А того, что фильме этой лет пять от силы.

Жозефина дробно рассмеялась:

– Выкупила ты меня, лисица рыжая! Не мое это имя – Матреной кличут. Матрена Ивановна Величкина.

Она степенно поклонилась.

– Мещанского сословия, осьмнадцати годочков от роду. Еду в Мокошь-град в столичном театре пробы проходить. Ежели повезет, увидишь меня на сцене. Это ежели тебе повезет, билеты-то на представления недешевы.

Матрена-Жозефина была права. Если повезет... Но я не за театрами путешествую. Однако ее официальное представление требовало такого же обстоятельного ответа.

– Евангелина Романовна Попович, дворянского звания. Путешествую из Орюпинска Вольской губернии.

– За какой надобностью? А ну как тоже в театр поступать?

Я покачала головой:

– Сыскарем в разбойный приказ.

– В жандармы? Врешь! Не бывать тому, чтоб бабу в разбойный приказ оформили!

Матрена развернулась ко мне всем телом, только юбки ее многослойные взметнулись, пыль разгоняя, руки в бока уперла и давай на меня наступать с видом самым что ни на есть угрожающим.

Перфектно! Теперь барышня в ажитации, а я у нее в плену. И что при такой okazji делать предписано? На помощь звать?

– Вот те крест! – Я широко перекрестилась. – Только не в жандармы, те конные, а я... по сыскному ведомству буду.

– Не верю! – Барышня остановилась, но не от моих слов, а оттого, что идти ей было уже некуда, дальше начиналась я.

– Три года назад наш августейший монарх для всей империи Берендийской указ издал, что женщины наравне с мужчинами на благо Отечества трудиться допускаются. И нет по

тому указу разницы, кто служит – мужик али баба, а принимаются в расчет только усердие да таланты.

Ну, тут я, конечно, слегка преувеличивала. Указ тот судьбоносный все больше на бумаге и оставался. Потому что одно дело документ написать, а другое – весь уклад жизненный для всего государства перекраивать. Но по мелочи двигалось дело, да. Трудно было женщине, к примеру, в пожарные пойти или полком командовать. Но вот курсов самописных открылось за три года немало, да для телефонных барышень курсы специальные, и медичек готовили даже и при университетах, и... Впрочем, на этом все. Но я для себя решила – что не запрещено, то разрешено. Тут уж главное – прецедент создать. И подала прошение о зачислении на сыскные курсы в губернском Вольске, до коего от нашего Орюпинска не больше суток конной езды. А когда мне отказано было, не поленилась в вольскую библиотеку заглянуть да копию того самого Берендиева (монарх у нас Берендий, четырнадцатый по счету) указа себе заказать. Так с указом наперевес в присутствие и вломила, и не ушла, пока меня не приняли. Со мной на курсах только парни учились. Мне во всем приходилось лучше их быть, и не просто на капельку, а о-го-го насколько! И сдюжила-таки! Все экзамены выпускные на «отлично» выдержала. Единственная со всего потока. И единственная же распределение в Мокошь-град получила, в столицу нашего государства. Матушка от гордости ажно светилась вся, с соседками здороваться забывала, того и гляди – вознесется от переполняющей благодати.

– А у тебя какие таланты? – уже почти спокойно спросила Жозефина.

В коридоре уже всюю покрикивал вагонный гнум:

– Дамы и господа! Остановка закончена! Занимайте свои места!

– У меня, – я пожала плечами, – разные, да все под сыскное дело подходят.

– Как так?

Я двинула подбородком в сторону двери:

– Может, в купе вернемся? Или так и будем до самого Мокошь-града в дамской комнате дискутировать?

Жозефина попятилась, открыла для меня дверь – то ли уважение выказывала, то ли опасалась, ровно чумную.

Мы вернулись на свои места. Я уставилась в окошко. За ним пробегали березки, и аккуратные крыши далеких домиков, и тучные стада коров и коз, и даже одно верблюжье – год назад августейшее величество указ о расширении поголовья и разнообразии оного издал. Хористки возбужденно шушукались, бросая в мою сторону тайные взгляды. Я вздохнула и повела головой, приглашая всех заинтересованных выйти со мной в коридор.

Мы вывалились из купе, сопровождаемые неодобрительными взглядами четы Скворцовых.

– Жоська сказывала, ты в сыскных делах мастерица? – полноватая барышня с золотистыми локонами, крашеными, зуб даю, сразу приступила к делу.

– Колдовать не буду, – строго ответила я. – И фокусы балаганные показывать тоже.

– Да я не о том.

– И нюхать, чтоб по следу кого найти.

Список того, что я делать не собиралась, был до неприличия длинным. Жители Орюпинска, в моих талантах осведомленные, часто пытались им применение найти.

– Да ты погодь. – Блондинка примирительно пихнула меня локтем. – Меня, кстати, Элеонора кличут.

Я кивнула. Богатое имя.

– А это – Клотильда.

Третья хористочка в разговор не вступала. Была она рыжей, правда, не такой яркой, как некие провинциальные суфражистки, кареглазой, и если бы не две товарки, блондинка да брюнетка, на чьем фоне она смотрелась именно за счет контраста, довольно неказистой.

– Деньги у нас пропали.

– Я не брала, – так сказала, на всякий случай, сразу потеряв долю уважения в глазах собеседницы.

– Да я не о том, – вздохнула Элеонора. – Трое нас было, вместе в столицу собирались, обшак складывали – по грошику, по копеечке. А теперь нет его.

Понятно. Значит, девы втроем выступали. Три грации – блондинка, брюнетка, рыжая. Думаю, неказистую Клотильду только из-за цвета волос в компанию взяли. Успехом они явно пользовались. Я, конечно, в девичестве своем приличном по кафешантанам не хаживала, но представить себе могла. Молодые барышни, ладные, хорошенькие каждая со своим образом, цвету волос соответствующим, на любой мужской вкус зрелище.

– Со стороны никто покрасть не мог? – деловито спросила я. В голове было ясно и холодно, будто ум мой настроился на работу.

– Нет, – Элеонора, видимо, была у них лидером. – В сейфе мы деньги держали. Гнумской работы шкафина, отмычку не подберешь, взломать не получится.

– А ключ у кого был?

– Мы его по очереди носили. Всегда при себе, на цепочке, на шее.

– Перфектно...

Я помолчала. Захожу я не с той стороны. Если девиц обворовал кто-то посторонний, я его не сыщу. Мне для этого по месту преступления (место преступления – звучит-то как! До мурашек!) побродить надо, да со свидетелями потолковать.

– А когда пропажу обнаружили?

– Мы перед самым отъездом, значит... меньше суток.

– Чья очередь была ключ носить?

– Моя. Но я даже не смотрела, что там, в том сейфе, у Жоськи цепочку забрала да на себя надела.

– А я тоже не смотрела, – Жозефина, впервые за время этой нашей беседы открыв рот, прижала руки к груди в покаянном жесте.

– И я, – пискнула Клотильда, глубоко задышав. У нее на ленте корсажа поблескивала крошечная брошь-капелька.

– Значит, деньги...

– Да не в деньгах дело, – раздраженно махнула рукой Элеонора. – То есть не только в них. Мы и больше заработаем! Просто раскол промеж нас после этого случая. Доверия нет. А мы столицу покорять едем, нам друг без друга никак.

Я еще раз оглядела девиц. Молоденькие, хорошенькие, грустные.

– А просто поговорить втроем пробовали? Поклянитесь, что никуда дальше эта история не пойдет и похитчика вы не накажете и из своей компании не изгоните. Пусть воришка покается.

– Пробовали. Не сработало.

Значит, что мы имеем? Трех подозреваемых. Или все же двоих? Элеонора вон как за общее дело радеет, может, ее можно вычеркнуть? Ан нет, нельзя. Кабы я, например,

злодейство измыслила, первая бы закричала «Держи вора!» – даже не из хитрости, а из самосохранения.

– Так поможешь нам, барышня Попович?

Я внимательно посмотрела в глаза каждой из трех, затем произнесла:

– Прежде чем я вам свой вердикт озвучу, я дам воришке последний шанс признаться самой.

Хористочки молча переминались с ноги на ногу.

– Клотильда! – Я повернула голову в ее сторону. – Это же ты сделала?

– Нет! – вскрикнула девушка.

– Но зачем? – недоуменно спросила Жозефина. – И с чего ты это взяла?

– С того, что на ней, – я приблизилась к обвиняемой, – вот этот амулет висит. – Я пальцем – маменька бы меня за нарушение норм приличий взгрела, кабы увидела, – показала на брошь-капельку. – Называется навья искра, действует от двух до пяти дней после того, как его от материнской грозди отделяют. Когда у вас прослушивание? Завтра или уже сегодня? Неважно, как раз магии должно было хватить. А стоит эта безделица, как три коровы в базарный день.

Клотильда плакала, ладонью размазывая слезы по лицу.

– А что этот амулет навий делает?

– Красоту дает, – устало ответила я. – Да такую, чтоб глаз не отвести.

Две невинные хористочки скептически посмотрели на товарку:

– Что-то он не работает совсем.

– А он избирательно действует, только на мужчин. Вы вон хотя бы на попугчика нашего, Скворцова, внимание обратите – извелся же весь, в вашей Клотильде дыры страстными взглядами прожигая, да и руки распускал, когда думал, что не видел никто.

Клотильда всхлипнула:

– Дуры! Дубинушки стоеросовые! Как же я могла в столицу с вами ехать, с такими красавицами. Я! Замарашка! Вас-то везде возьмут, а меня на выход попросят!

– Да нешто мы бы тебя бросили. – С материнской заботой Элеонора привлекла подругу к груди. – Мы же договорились, все вместе. Тебя попросят, мы следом отправимся. Ну что ты, глупенькая?

Под это воркование я вернулась в купе. Дело закончено. Пусть теперь сами меж собой разбираются. Купец Скворцов отвел от меня равнодушный взгляд. Ну понятно, он-то Клотильдушку-красу ожидал, а тут я.

В окне ничего любопытного не наблюдалось, я накинула на плечи вагонный пледик и расправила газету, за чтением которой давеча так бесславно заснула. Прессу я уважала безмерно, прочитывала всегда все, от корки до корки, включая брачные объявления и некрологи. Потому что для орюпинской барышни это было настоящее окно в мир, мир, где происходили загадочные или леденящие душу события.

Но сейчас на новостях сосредоточиться не получалось. Мои шансонетки что-то задерживались, и я поминутно поглядывала на дверь. Что они там делают, честное слово? А если дерутся? А если до смертоубийства дело дошло?

Наконец дверь купе отъехала в сторону. Я подобралась, чтоб окинуть входящих строгим и торжествующим взглядом. Но настрой пропал втуне.

– Барышня Попович, – вагонный гнум выразил своим грубоватым, будто наскоро слепленным из глины лицом гамму каких-то сложных чувств. – Извольте с вещичками на

ВЫХОД.

– В чем дело?

– Начальство нашего состава убедительно просит вас место сменить. Ваши соседки жалобу на вас подали, так что придется вам в третий класс переместиться.

Вот, значит, как? Ни одно доброе дело не остается безнаказанным? Я, значит, таланты свои недюжинные аки бисер мечу, воровку избобличаю, а виноватая все равно именно я? Я взглянула на часики. До Мокошь-града еще часа четыре дороги. Ничего страшного, как-нибудь переживу.

Подлые шансонетки шушукались в коридоре, но носов в купе не казали.

Я строго покачала головой:

– Разница в цене за билет второго и третьего класса составляет... тридцать рублей с четвертью. Пока ваше начальство мне эту разницу не вернет, в третий класс я перемещаться отказываюсь.

Гнум пробормотал что-то извинительное и отправился советоваться с вышестоящими. Я неторопливо полистывала прессу, шансонетки страдали в коридоре. Чета Скворцовых бросала в мою сторону уважительные взгляды. Точно купцы, – они барыш за версту чуют и деньгам счет знают. Минут через двадцать вернулся вагонный:

– Барышня Попович, в связи с тем, что деньги за билет вам отозвать нет никакой возможности, – гнумская прижимистость могла вполне посоперничать с моей, – приглашаю вас продолжить путешествие первым классом.

Я грозно сдвинула брови и пальчиком поправила дужку очков на переносице. Моя хорошая подруга мадам Жорж такой вот пантомимой могла кого угодно в ступор ввести. Гнум прижал к груди ладошки в перчатках:

– И доплаты с вас никто не потребует!

– Перфектно! – Я поднялась и сбросила на сиденье плед. – Извольте мне помочь перенести багаж.

Шансонетки в коридоре сбились кучкой, будто перед лицом смертельной опасности. Я на них даже не взглянула, двинувшись в сторону последнего вагона, где располагался первый класс. Гнум семенил следом, неся мой саквояж, к слову абсолютно пустой, потому что все продукты, собранные мне в дорогу милой матушкой, я уже благополучно съела.

В первом классе царили красота и благолепие. Как по мне, абсолютно излишние. Поручни здесь были вызолочены по всей длине, на окнах висели бархатные шторки, ковровая дорожка – с мягким длинным ворсом, а перегородки между четырехместными купе – прозрачного толстого стекла. За перегородками, как рыбки в аквариумах, сидели нарядные люди, дамы в кружевных шляпках и перчатках, господа в сюртуках. Пассажиры коротали время за карточными играми, чтением либо попивали что-то из толстостенных бокалов, затянутых в блестящую стальную канитель.

Вагонный отодвинул дверь ближайшего аквариума:

– Прошу, барышня Попович.

Пока он пристраивал мой саквояж на багажной полочке, я осмотрелась. Пассажиров было двое. Они заняли большие удобные кресла у окна, разделенные круглым столиком. На столике позвякивал чайный сервиз, в плетенке лежали баранки, рядом – розеточки с вареньем, по виду – вишневым.

При моем появлении господа поднялись со своих мест и чинно поклонились. Знакомиться нам этикетом не предписывалось, я же его в данный момент нарушала

нещадно. Барышня, путешествующая без сопровождения, – это скандал. И господа сейчас лихорадочно решали, какими приветствиями скрасить неловкость. Я решила им не помогать. Склонила голову в ответ и опустилась в ближайшее свободное кресло. Вагонный все никак не мог пристроить мой саквояж, бормотал что-то под нос, суетился. Я догадывалась, что болезный ждет грошик за услугу, но потакать мздоимству не собиралась. Наконец один из господ, невысокий и ладный, с острыми скулами и быстрыми карими глазами, не выдержал:

– Благодарю, любезный. Дальше мы без тебя справимся, – и одним ловким движением задвинул мой багаж на полку.

– Позвольте отрекомендоваться, Эльдар Давидович Мамаев, чиновник по особым поручениям.

Господин тряхнул стриженной головой, отчего его пепельно-русые волосы взметнулись волной.

– А это – мой коллега, Зорин Иван Иванович. Возвращаемся в столицу к месту службы.

Зорин был увальнем, у нас в Орюпинске таких целая слободка. Высоченный, широченный, с добродушным лицом, яркими светлыми кудрями и васильковыми глазами. Сюртук его почти трещал по швам под напором плеч, галстук, повязанный криво и неопрятно, выбивался на грудь.

Чиновники, значит.

Я представилась в ответ, о цели своего путешествия умолчав, и мы в умиротворяющем молчании вполне спокойно провели последующие полчаса. Чиновники промеж собой бесед не вели. Быстроглазый Мамаев время от времени поглядывал на меня с интересом, в котором, впрочем, ничего мужского не угадывалось. Я читала газету. На восьмой странице ее обнаружился манифест аглицких суфражисток, и я увлеклась, стараясь не упустить ни словечка.

– Позвольте предложить вам чаю, – Мамаев потянулся к заварочному чайнику.

– Благодарю, нет.

В желудке предательски тянуло, мне хотелось не чаю, а сушек, да так чтоб макать их в варенье. Но для этого пришлось бы пересесть, с моего места до стола было далековато, да и положенные по этикету телодвижения я б не исполнила. Кусок вяленого мяса, хлеб и... картошечки печеной... Я мечтательно зажмурилась.

– Интересуетесь?

Пришлось открыть глаза. Мамаев жестом указывал на газету.

– Разделяю взгляды.

– Так вы – суфражистка?

– Именно!

Задремавший было Зорин заворочался в кресле.

– Разных волшебных созданий видеть приходилось, но так чтоб живую суфражистку – ни разу.

Голос у него был низкий, гулкий – настоящий бас, таким, наверное, хорошо оперные арии исполнять.

Я обиделась:

– А каких же видали, позвольте спросить? Дохлых?

– Но-но, барышня, – увалень улыбнулся. – Не в обиду будет сказано, да только все эти ваши... – он поискал слово, – эмансипе не от хорошей жизни этим занимаются. Женщина должна о доме думать, о муже, о детях, о хозяйстве.

– А если ей не хочется?

– Кому?

– Ну этой вашей абстрактной женщине. Если она работать хочет или политической деятельностью заниматься? Если у нее таланты в этих областях есть?

– Если нашей женщине дома и семьи мало, значит, мужик при ней заваливающий!

Просторечный разговор собеседника меня не раздражал, меня бесили мысли, им высказываемые.

– Значит, по-вашему, целью существования любой женщины являются поиски хорошего мужа?

– Так и искать не нужно. Сам придет, сам найдет, сам замуж позовет.

– Вы знаете соотношение мужчин и женщин детородного возраста в Берендийской империи?

– А это-то тут при чем?

– Вы знаете о количестве бытовых ссор, ведущих к насилию, о вопиющих случаях супружеского смертоубийства? Вы знаете, что если какой-нибудь мужик в волости свою жену до смерти в запале прибьет, ему грозит денежный штраф, а если женщина своего супруга – она пожизненно пойдет на каторгу?!

– Так что же делать?

– Дать мужчинам и женщинам одинаковые права, одинаковую ответственность перед законом. Разрешить женщинам участвовать во всех возможных выборах и пересмотреть законы владения имуществом!

Зорин махнул рукой, то ли признавая поражение, то ли не желая продолжения дискуссии. Мамаев зааплодировал:

– Браво, Евангелина Романовна, шах и мат.

За толстым стеклом в коридоре кто-то шел, какой-то господин в цилиндре, видимо разыскивал свое место.

– Все равно бабы дуры, – пробормотал увалень так, чтоб я уж наверняка услышала.

– А чтоб мы дурами не были, нужно женское образование в массы продвигать! Увеличить количество школ и курсов для неимущего населения...

Поезд входил в туннель, потемнело, под потолком зажглась и замигала красноватая тревожная лампа. Мамаев как-то странно повел рукой в сторону двери, к которой уже приблизился господин в цилиндре. В воздухе замерцал кружевной след остаточного волшебства.

– На пол! – заорал Зорин, бросаясь на меня и стаскивая с кресла.

– Достали-таки, нелюди! – Мамаев, за мгновение до этого вальяжный и благостный, тоже орал. – Ванька! Бери револьвер! Он сейчас стекло крушить будет!

Будто в ответ на его слова в стену бумкнуло, дверь заходила ходуном.

– Ну еще минуточек семь щит продержится, а потом мы на свет выедем... А уж там...

Состав, дернувшись, остановился.

– Они отцепили вагон!

– Что вообще происходит? – пискнула я из-под стола.

– А то, что некоторым шибко разумным чардеям не следовало на гнумский поезд билеты брать, – пробасил Зорин. – Держите, барышня, револьвер. Будете отстреливаться, как настоящая эмансипе.

Я револьвер взяла и даже попыталась отобрать у Зорина второй. Да чего там, дали бы

мне волю, я бы абордажную пушку к себе под стол затащила. Но пушки не было. Я быстро проверила каморы, оружие было заряжено, крутанула барабан и взвела курок.

Мамаев стоял перед дверью, раскинув в стороны руки. Он держал магический щит, и, судя по дрожащей спине, стоило ему это немалых усилий.

– Кто это? – спросила я сюртучный зоринский бок, потому что другими частями господин чардей был повернут ко входу.

– Неклюд, – ответил увалень. – Мы с Эльдаркой от их неклюдского барона в столицу возвращаемся, с подарочком, а этот, видно, отдавать не хочет. Эльдар, ты как?

Мамаев ответил. Слово сие я повторить не смогу даже под присягой.

– погоди! – Я от нервов легко перешла на «ты». – А другие люди в вагоне? Они тоже в опасности?

Я осторожно выглянула из-под скатерти. Мне было видно затылки пассажиров в соседнем купе, опущенную голову какой-то дамы. Они спят, что ли?

– Ванька, тебе надо из туннеля выбираться, – хрипло выдавил Мамаев. – Подарочек сбереги.

Подарочек? А нет, чтоб жизнью и здоровьем ни в чем не повинной барышни озаботиться! Хотя нет, все правильно. Я же суфражистка, я за равноправие.

Зорин поднялся с пола, сдвинул вниз оконную раму и неожиданно изящно сиганул в темноту. Я тоже поднялась. Потому что от зоринского изящества стол подломился и придавил меня к полу столешницей. За стеклом бесновался неклюд. Я их, конечно, и раньше видала, останавливался у нас под Орюпинском табор кочевой. Но чтоб так, чтоб во время трансформации... Этот неклюд в зверином своем обличье был медведем, длиннолапым таким потапычем, очень похожим на того, что красуется на гербе нашей Берендийской империи. Только в отличие от гербового глаза этого горели красным чародейским огнем, а из оскаленной пасти текла слюна. Хорошо, что неклюды только в темноте превращаться могут, и хорошо, что я доселе этого не видала.

– Его убить нужно? – спросила я спину тяжело дышащего Мамаева.

– Чего?

– Неклюда. Ты для чего дверь держишь?

– Нельзя убивать... Обезвредить... Он баронов старший сын... Нам убийства не простят... А здесь нормально прицелиться не получится... Ч-черт!

В этот момент щит лопнул, вместе с ним осыпалось крошевом стекло. Я заорала:

– Ложись! – И как в стрелковом тире положила две пули в колени, а еще одну в запястье правой руки, ну или лапы. Перфектно!

Зверь рухнул на Мамаева, и после нескольких мгновений звенящей тишины со всех сторон стали раздаваться возбужденные голоса. Пассажиры пришли в себя и интересовались, что за чертовщина здесь происходит.

– А здорова ты стрелять, барышня Попович, – восхищенно простонал чардей, выбираясь из-под туши. – По какому ведомству служить собираешься?

– По сыскному.

Я смотрела на неклюда, который подергивался в обратной трансформации – съезживалась шкура, шерсть как будто вращалась обратно под кожу. Хрустнули плечевые суставы, какой-то слизкий кусок плоти шлепнулся на ковер. Меня замутило.

Я только что впервые выстрелила в живое существо. В голове зашумело, я прижала к груди револьвер – предохранителей на них не предусмотрено и от удара об пол он вполне

может выстрелить – и лишилась чувств.

Алые простыни шуршат под весом тела. Звякают трубочки ксилофона. Пау... Пау... Пау-пау-паучок, паучок-крестовичок, мою мамку под порог уволок, моего тятку уволок... Паучок-крестовичок... восемь ног...

Зубы стукнулись о металлическое горлышко фляжки, я всхлипнула, пропуская в горло раскаленный шарик алкоголя. Коньяк? Первый раз его пью. Я сделала еще один глоток, отдышалась и подобрала с подола бублик (надеюсь, он перед этим на полу не побывал). Закуска так себе... Я сидела в кресле, распластавшись по его спинке и безвольно опустив руки на подлокотники. Это меня Мамаев сюда дотащил? Револьвер лежал на полу, под противоположным креслом.

– Ты как? В сознании? – Чардей все еще придерживал флягу перед моим лицом. – Ну-ну, держись. Я тоже, как первый раз трансформацию увидел, чуть в обморок не брякнулся.

– Да это-то тут при чем? – Я истово хрустела бубликом. – Подумаешь, неклюд перекинулся. Я только что человека покалечила! Коленные чашечки ему до смерти не залечить.

Мамаев улыбнулся.

– Бесник, поздоровайся с барышней да объясни ей, что она может себя не корить.

Неклюд сидел в кресле у двери, правая рука пристегнута наручником к поручню, левая – к подлокотнику кресла, ноги... Я опустила взгляд. Ноги ему тоже сковали друг с другом за щиколотки. Бесник был довольно молод и ладен: смуглая кожа, иссиня-черные кудри до плеч, яркие, слегка как будто вывернутые губы, длинный нос и блестящие карие, чуть навывкате глаза. Несмотря на всю избыточность черт, он был хорош яркою, какой-то гишпанскою красотой. Сердобольный Мамаев навалил на него сверху кучу вагонных пледов. Пленник был без одежды, уничтоженной во время трансформации.

Я резво подскочила, начала шебуршать тряпками, оголила неклюдовы колени, выпуклые, мужские, волосатые. И выдохнула – ссадины! Только и остается, что подорожник приложить!

– Если опустишься на карачки да поищешь, пули на полу найдешь. Отвергло их мое тело, – гортанно сказал Бесник и присовокупил фразу на своем наречии, которую я не уразумела.

– Ну вишь как, – ответил Мамаев, видимо, неклюдский язык понимающий, – и получается, что тебя, такого большого и грозного, барышня, букашечка рыжая, под орех разделала.

Неклюд зарычал. Я вернулась к окну, опустилась в кресло. В вагоне, кроме нас троих, никого не было, видно, остальные пассажиры решили переждать снаружи. Я поежилась, представив, как они бредут гуськом во тьме тоннеля. Потом отвлеклась на разбросанные на полу бублики. Они манили глаз.

– Ну, рассказывай, барышня Попович. – Чардей присел напротив. – Кто тебя так ловко с револьвером управляться научил? Папенька?

– И что теперь делать будем? – проигнорировала я вопрос. – С этим господином, с поездом? И Иван где?

– Иван сейчас подойдет. Он, наверное, далеко ушел. Без него к пленнику притрагиваться не советую. Ванька его колданет, чары свои наложит, тогда и наручники отстегнем. А потом... думаю, надо Бесника нашего боевитого в столицу везти. Пусть с ним начальство мое разбирается.

Неклюд опять что-то прорычал.

– Не могу я тебя отпустить. Я тебя отпущу, а на меня все твои чудачества повесят. А у меня жалованье за все расплатиться не позволит. Так что сиди, отдыхай. Можешь вон в одеяле пока дырку прогрызть. На манер индейского пончо замотаешься, пока тебя по столице транспортировать будут.

– Так он не один был, – уверено сказала я, – с подельником. Кто-то же вагон отцепил, пока он напасть на нас примерялся?

Мамаев уважительно хмыкнул и перевел взгляд на пленника.

Тревожные лампы под потолком замигали, увеличивая освещение. По коридору вагона шли люди. Хрустели стеклянные осколки под сапогами, кто-то возбужденно говорил:

– Сюда, ваш бродь, извольте.

В провале двери воздвигся холеный гнумский господинчик с видом скорее не грозным, а раздраженным. В петлице сюртука поблескивала орденская ленточка. Кавалер, значит.

– Что происходит? – спросил господин.

Мамаев скривился:

– Тайная операция чародейского приказа. Непредвиденные обстоятельства...

Лицо гнума вытянулось, его и без того нечеткие черты поплыли.

– Злодеи! Я буду жаловаться! Самому императору доложу! Вы до самой смерти мне убытки отрабатывать будете!

Я поправила на переносице очки и откашлялась. Гнум посмотрел на меня, поклонился. Признаться, барышней иногда быть довольно выгодно.

– Я требую финансового возмещения ущерба, – сказала я твердо, тоном подчеркивая слово «финансового». – Мне, Евангелине Романовне Попович, был причинен физический ущерб, – я приподняла руку, демонстрируя дырищу на сгибе локтя, – а также нефизический, в виде испуга и лишения чувств. Что ж вы, сударь, невинных дев неключодами страшаете? А если бы он меня покусал?

– Это не мой неключод, – возразил гнум.

– Это мы еще проверим. А еще узнаем, кто из ваших работников с ним в сговоре состоял. Потому что вагон отцепили, точно когда состав в тоннель вошел. У вашего, – я повела подбородком в сторону пленника, подчеркивая слово «вашего», – неключода был сообщник!

– Там сцепка особая! – торжествующе проговорил кто-то из сопровождения, просовывая голову в купе. – Четыре с половиной минуты отсрочка.

– Вот! – Я подняла указательный палец. – Отсрочка, сцепка. Обычный человек в такие тонкости посвящен быть не может! Вот я, например, не посвящена. И господин Мамаев тоже.

Эльдар Давидович с готовностью кивнул, пряча взгляд. Все он знал, чардей, но игру мою поддержал.

Гнум – он не представился, но я предположила, что он был в должности начальника состава, – открыл было рот, собираясь возражать, но я не позволила.

– Полторы тысячи рублей! – быстро сказала я.

– Что, простите?

– Полторы тысячи рублей, выплаченные мне наличными в течение, – я провела кончиками пальцев по нагрудным часикам, – полутора суток с момента сего прискорбного происшествия.

Денег они мне не дадут, тем более наличных. В этом я была уверена процентов на

пятьсот.

Пауза затягивалась, надо было ускорить процесс принятия решения.

– А еще можно в газеты написать, – протянула я задумчиво. – Очерк о невероятных лишениях невинной девы в страшном гнумском механизме. Знаете, я передумала, не нужно денег. Меня журналистская стезя давно влекла.

Мамаев весь извертелся, наблюдая это небольшое представление, неклюд переводил свои блестящие глаза с меня на гнума, и от аплодисментов его удерживали только наручники.

– Не н-надо газет, – как-то совсем по-бабьи проблеял начальник состава. – Дело секретное, чародейский приказ, опять же... Давайте как-то между службами разберемся.

– Конечно, конечно, ваше благородие, – включился Мамаев. – А я со своей стороны непременно прослежу, чтоб моя коллега не вздумала газетчиков осведомлять.

Чардей как-то незаметно оттеснил гнума в коридор:

– Не извольте беспокоиться, все скроем, все укроем. Секреты – это наша профессия! Ау вас в головном вагоне, может, какой аппарат для связи имеется? Мне в столицу телефонировать требуется. Нет? Телеграф? Ну не можем телефонировать, будем телеграфировать...

Говорок Мамаева удалялся по коридору. Сквозь некоторые уцелевшие перегородки я видела силуэты гнумов.

– Ловцы диковинок! – фыркнул, как сплюнул, неклюд и почесал о плечо щетинистую щеку.

Мне стало слегка не по себе. Надо бы револьвер достать из-под кресла. Если что, выстрелю, и никакой барон мне не указ. Я еще помнила звериную ипостась Бесника, и встретиться с ней опять, на этот раз безоружной, не собиралась.

Для того чтоб дотянуться до оружия, мне пришлось опуститься на четвереньки.

– Уф, наконец ушли. – В разбитое окно в купе влазил Иван Иванович Зорин, чиновник по особым поручениям. – Там сейчас состав к обратному маневру готовят, будут наш вагон прицеплять. А ты чего кверху... кхм...

Я быстро вскочила на ноги.

– Держи!

Он расстегнул сюртук и передал мне пояс, состоящий из чеканных пластин черного серебра.

– Я колдовать буду, он мне мешать станет.

При виде безделушки неклюд подобрался, потянулся к ней всем телом, хрустнул суставами.

– Нравится штукенция? – пробасил Зорин. – Нам тоже... Это, Евангелина Романовна, стариннейший артефакт неклюдский, позволяет им и при свете дня перекидываться, да и вообще звериную ипостась в узде держать.

Я с уважением прижала пояс к груди и плюхнулась в ближайшее кресло. Будут колдовать, я к этому зрелищу непривычная, так что вот он – билет в первый ряд.

– А с чего барон вам свой артефакт отдал?

– На сохранение. Стар он стал, а властью делиться не намерен. А вдруг отберет кто из его ребятушек пояс да на его трон посягнет. Ты подожди, я колдану его, там и обговорим все по порядку.

Бесник рычал, по щетинистому подбородку текла слюна.

– Что-то мне неспокойно, – спокойно сказала я и опять полезла под кресло. Плевать, что я кверху этим самым «кхмымом» полминуты постою, главное, что, если что, я чардея прикрою. Достав оружие, я прижала пояс под мышкой и взвела курок.

– Колдуй!

Иван опустил руку за ворот рубахи и достал нательный крест, сжал его ладонью левой руки, а правую, разведя пальцы, вытянул перед собой. Заклинание было напевным, ритмичным. Я его видела, не само заклинание, а волшебство, им производимое. Было оно золотисто-червонным, ярким, как картинка на бересте, как солнечные зайчики. И пахло хорошо – травой и парным молоком. Зорин напевал, покачиваясь, сделал вперед шаг, другой. Свет стал нестерпимым, я старалась не жмуриться и не мигать лишней раз. Неклюд ритмично подергивался в такт заклинания, но я в любой момент ждала от него подвоха.

– Готово, – Зорин спрятал на груди нательный крест, застегнул рубаху, надел поверх нее серебряный пояс, не торопясь opravил сюртук.

Я отпустила курок и присела. Иван достал из кармана брюк ключик на кожаном ремешке и осторожно, один за одним, снял неключодовы оковы.

– Ну вот и все. Знаешь ведь, чем тебе грозит, если ослушаешься и бежать попробуешь?

Бесник знал, только с ненавистью зыркал на чардея своими глазами. И молчал, с таким видом, будто молчать теперь до самой смерти будет. А Зорин продолжал хлопотать. Он легко поднял столешницу, поцокал языком, покачал головой и в три приема починил стол, поставив его на раму и стукнув сверху пудовым кулачищем.

– Ну, давай, Евангелина Романовна, рассказывай, – велел, усаживаясь напротив и отбирая у меня револьвер. – Кто? Какого роду-племени? И кто тебя, такую рыжую, в разбойный приказ определил?

Я рассказала. Не все, в общих чертах. Про то, что с детства любила задачки мудреные разгадывать, да так, что сначала все соседи за помощью обращаться стали, а затем, когда слава дальше пошла, по всему Орюпинску, и прочие граждане подтянулись. Про то, как прочла в столичной газете объявление о курсах всяческих, как обивала пороги, доказывая, что женщины тоже сыскному делу учиться могут, и не хуже прочих. Даже достала из рукава заветное письмо и показала собеседнику.

– Сам обер-полицмейстер тебе направление подписал, – непонятно протянул Иван, – в Кресты, значит...

Но что имел в виду, я спросить не успела, – вагон дернулся, грохотнуло, сдвинулось – мы прицеплялись к основному составу.

– Он задом в туннель сдал, поезд наш, – пояснил Зорин. – Там быстро заметили, что один вагон потеряли. Кто-то из пассажиров стоп-кран отжал.

Вернулся Мамаев, собранный, деловитый, быстрый.

– А, Ванечка, ты уже тут...

Он достал с багажной полки саквояжище, упаковал туда все кандалы с наручниками, фляжку с остатками коньяку.

– Стоп! – Зорин протянул руку. – И мне отхлебнуть дай. А то ни себе, ни людям!

Мамаев протянул коньяк Ивану и обернулся к неключоду:

– Быстро, на три-четыре. Кто вагон отцепил?

Пленник молчал.

– Ваня, – позвал чардей.

Зорин сложил пальцами что-то навроде кукиша, Бесник скривился, будто от боли, и

быстро сказал:

– Сам справился, без помощников. О прошлом году на железке батрачил, знаю, как все здесь обустроено.

– Отдыхай! А что вы здесь читаете? – Он быстро пробежал глазами мое письмо. – Понятно.

Поезд тронулся, мы выехали из туннеля, вид нашего разгромленного купе при свете дня мысли наводил самые безрадостные. Скорость увеличивалась, видимо, гнумы старались нагнать потерянное время.

– Прощаться время пришло, барышня Попович, – сказал Мамаев. – Я с начальством связался, нас на ближайшем полустанке ждать будут. Ты где в Мокошь-граде остановишься?

– На Мясоедской улице, в меблированных комнатах «Гортензия», я по почте у них номер бронировала.

– Так себе райончик... Ну ничего, мы что-нибудь на месте сочиним. Ваня, пакуй неклюда, нам выходить скоро. Гнумы и так ворчат, что от графика отбились, так что у нас на высадку всего минут пять будет.

Зорин мне поклонился, прощаясь. Я почему-то почувствовала себя покинутой и никому не нужной. Бесник послушно поднялся, закутался в пледы на манер древнеримской тоги и вышел вслед за чардеем.

– Еще встретимся, букашечка, – ласково проговорил Мамаев и тоже вышел.

Перфектно! Мне первый раз за очень долгое время захотелось заплакать.

До Мокошь-града весь вагон первого класса был в полном моем распоряжении, никто из его пассажиров на свои места так и не вернулся. Только минут через двадцать после того, как мы сделали еще одну незапланированную остановку и чардеи со своим пленником сошли с поезда, в вагон явилась неприветливая глумская барышня с ведрами и шваброй, которая споро подмела все осколки и протерла все поверхности мягкой тряпичкой.

На вокзал Мокошь-града мы прибыли незадолго до полуночи. Я поторговалась с извозчиком на привокзальной площади и без четверти час была уже на Мясоедской под обшарпанными дверями меблированных комнат «Гортензия». Райончик был не тот еще, нет, он был просто-напросто трущобным. Кабы я загодя знала... А хотя... дешевле в столице я все равно ничего пристойного не найду.

Я заколотила в дверь молоточком, велела заспанному смотрителю снести мой саквояж в номера и только тут вспомнила, что свой сундук из багажного вагона забрать так и не удосужилась.

Постель была жесткой, в стенах шебуршали крысы, из рукомошника, прибитого у входа ржавыми дюймовыми гвоздями, всю ночь капала вода. Я считала эти капли, пытаюсь заснуть, и все никак не получалось. Дорожное платье мое безнадежно испорчено, другого нет. В чем идти завтра к новому начальству, я даже не представляла. И шляпку я где-то в приключениях обронила. А ведь барышне по улице без шляпки идти никак не можно! Эх, Гелька, все гордыня твоя непомерная. Обрадовалась, что нужна, что чардеи твоими услугами не брезгуют, и забыла обо всем. А ведь знала, что если мужчины – существа опасные и беспринципные, то чардеи среди них самые что ни есть...

Кажется, я заснула именно на вот этих вот обидных размышлениях. Проснулась на рассвете, вполне отдохнувшей и в приличном настроении. Как говаривает матушка, если не можешь изменить ситуацию, измени к ней свое отношение. Ну подумаешь, в первый раз начальство меня в дорожном платье узрит. И ничего страшного. Зато сразу поймет, что

барышня не куры строить в столицу явилась, а на благо Отечества работать.

Я расстелила на голом столе давешнюю газетку, прямо статьей про пауков-убийц кверху, поставила на нее свои дорожные ботинки и от души прошлась по ним бархоткой. Тонкая кожа залоснилась, что добавило мне настроения. Выйдя в коридор, отыскала давешнего зрителя, прикорнувшего за конторкой в углу, и требовала с него швейный набор, попутно узнав, что на кухне можно разжиться угогом и даже услугами прачки за малую копеечку. Люди здесь жили все сплошь неприветливые и какие-то пыльные. И зритель, и мальчик-посыльный, и кухарка, и прачка – все были как будто древними старичками, с потухшими взорами и жестами, которые давались им через не хочу. Жиличка-соседка, встреченная мною в коридоре, была такой же точно – хмурой неповоротливой бабищей, мазнувшей по мне мутным взором и прошедшей далее, даже не ответив на приветствие. Я зашила порванный на локте рукав, от души наутюжила платье и даже скроила из второй нижней юбки белоснежный воротничок, призванный прикрыть неопрятно взлохмаченную ткань на груди.

Я вертелась перед засиженным мухами зеркалом, когда в дверь постучали. На пороге стояла та самая бабища-соседка, но в этот раз она просто лучилась приветливостью и даже, кажется, подхихикивала:

– Ты, значит, Геля будешь?

– Буду, – кивнула я, понимая, что в этом платье я на улицу не выйду даже под конвоем. Вид был придурковатым, особенно на общий образ работал новый кружевной воротничок, всем своим видом вопивший: «Я был нижней юбкой! Хе-хо!»

– Тебе тут кавалер пакет передавал!

– Какой кавалер? – Мне почему-то вспомнился кавалер ордена, давешний начальник поезда, и я слегка смешалась.

– Эльдаром назвался. – Баба бросила на стол шуршащий оберточной бумагой сверток и прижала ладони к покрасневшимся щекам. – Бойкий малый! Хват! Передайте, говорит, милейшая красавица, эту вот посылочку барышне Геле да скажите, чтоб она в присутствие не опаздывала.

Тетка уселась на стул и обернулась ко мне:

– Ну давай, раскрывай. Посмотрим, что там.

Уходить она явно никуда не собиралась, и, хмыкнув, я потянула завязки пакета. Там был мундир! Настоящий черный суконный чиновничий мундир. Дамский! Длинный сюртук с двумя рядами латунных пуговиц, кипенно-белая блуза с изящным жабо, длинная юбка и шляпка с небольшими полями и кокардой разбойного приказа справа на тулье.

Перфектно! Я чуть в пляс не пустилась и не расцеловала тетку во все четыре ее подбородка. Если таким образом господин Мамаев благодарил меня за помощь, он угадал.

Я быстро разделась, вовсе не стесняясь чужого присутствия. Сюртук был широковат в талии, зато грудь облегал как влитой.

– Сымай, – скомандовала тетка, слюня кончик нитки, – подошьем.

Я замялась.

– Не сумлевайся, барышня. Дело свое знаем, почитай, четверть века в швеях... Меня, кстати, Лукерья Павловна кличут, но ты меня можешь тетей Лушей звать.

Я послушно протянула тете Луше сюртук.

– И юбку скидавай, – командовала соседка. – И накинь чего-нибудь – сходи на кухню, скажи девкам, что от меня, пусть они нам чайку соберут и к чайку чего-нибудь.

Я оделась и спустилась вниз. На кухне на меня сперва попытались наорать, но, узнав,

что я по повелению Лукерьи Павловны, быстро сменили гнев на милость. Да чего там на милость, на подобострастие, – тетя Луша оказалась нашей хозяйкой, владелицей меблированных комнат «Гортензия».

Через полчаса мою комнатенку было не узнать: здесь стало многолюдно и как-то подомашнему суетливо, стол ломился от яств, пыхтел самовар, матово поблескивал в солнечных лучах настоящий фарфор чайного сервиза.

– Ковер ей сюда принесите, – командовала тетя Луша, уверенно накладывая стежок за стежком, – Манька пусть прибраться придет через часок, когда барышня в присутствие удалится, да скажите Гришке, чтоб на чердаке пошуровал, у меня там два кресла от гарнитура почти неиспользованные.

Я тихонько сидела и прихлебывала чай, боясь спугнуть неожиданно свалившиеся на меня чудеса.

– А ты, барышня Геля, не удивляйся. Ты – чиновница, большой человек, и жить должна в приличиях. Манька! Сходи к Петровне, скажи, на чай ее приглашаю сегодня ближе к вечеру!

Я поняла, что милости мне придется отрабатывать, послужив заведению тети Луши в качестве завлекательной вывески.

И вот я, Евангелина Романовна Попович, новоиспеченная столичная чиновница, ступила на улицы Мокошь-града. В сопровождение мне был выделен посыльный Гришка, которому велено было меня до присутствия довести, ворон не ловить, по сторонам не глазеть.

Я предчувствовала начало новой жизни, и меня не смущал ни морозящий дождик, ни трущобная Мясоедская улица, ни подозрительные личности, ее населяющие. Я была счастлива. Заломив набок шляпку и поправив очки, я скомандовала Гришке:

– Веди!

Глава вторая

В коей грядет первое задание сыскаря и появляется слишком много пауков

По платью тако же примечается, что в ком есть благочинства или неискusstва: легкомысленная бо одежда, которая бывает зело тщеславна и выше меры состояния своего, показывает легкомысленный нрав. Ибо для чего имеет девица (которая токмо ради чести одежду носит для излишнего одеяния) в убыток и в долги впасть: сего честная девица никогда не делает.

Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению...

Эльдар Мамаев с самым покаянным видом сидел в кабинете Крестовского. Ванечка отдыхал, заняв широкую лавку в арестантской, неключ подпремывал там же, неподалеку, разлучать его с чардеем, пока не развеется колдовство, было опасно для его же, неключдского, здоровья. А Эльдар, бодрый, как летний жаворонок, уже успевший с утра проверить несколько важных и неотложных дел, отдувался перед начальством за всю честную компанию.

– Стрельба, Эльдар! – Крестовский раздраженно бросил на стол шероховатый лист гербовой бумаги. – А если гнумы в негодовании соберутся жаловаться на нас в имперскую канцелярию?

– У нас не хватило бы сил обезвредить юного Бесника иным способом. Мы же не злодеев каких задерживать ехали, просто груз сопровождали.

– У вас не было амулетов?

– Только обереги. Но там же стекло везде, сквозь него особо не поколдуешь, представь – стеклянная перегородка, за ней неключ. Если бы я открыл дверь, до нападения у меня были бы доли секунды. Я решил держать щит, дав тем самым Зорину уйти с поясом.

– А потом?

– А потом ты бы меня по кусочкам собирал, потому что Бесник в своей медвежьей ипостаси от меня одни лоскутки бы оставил. Но тут у нас дивная барышня Геля расстаралась. Представь, расстояние – ну аршина четыре, не боле, я б не рискнул, а она – три выстрела, и все в копеечку. Бесник на пол, она в обморок, я...

– Уволь меня от подробностей, – поморщился Крестовский. – Зная твое сверхчеловеческое женолюбие, ты кинулся благодарить отважную амазонку самым приятным для себя образом.

Эльдар склонил голову, бросив на собеседника хитрый взгляд исподлобья.

– Так, говоришь, гнумы угрожают?

– Да нет, – Крестовский отвечал уже без раздражения. – На удивление покладисты нынче наши гнумы. Даже предлагают нам какие-то билеты по новому чудесному сказочному маршруту вполцены.

– Это их Геля напугала, – решил Мамаев. – Огонь-барышня, я такого цирка с конями и не

видел раньше. Представь...

– Погоди. Это не к спеху. У нас на сегодня более важные дела есть. – Крестовский полез в ящик стола. – Две недели назад труп обнаружили по нашему ведомству...

На столешницу легло мутноватое фото. Эльдар присвистнул.

– Чем его так?

– Не его, а ее. Это женщина. Явно работал мощный чародей, причем...

– Насколько мощный?

– Настолько, – рядом с карточкой лег разлинованный лист бумаги.

– Зорина можешь вычеркивать, он две недели назад у неклюдов был.

– Ты тоже? – Синие глаза Крестовского пытливо смотрели на собеседника.

– Ах, все равно узнаешь, – с улыбкой вздохнул Мамаев. – Меня там как раз не было. Пока наш Иван Иванович принимал непосредственное участие в неклюдовском празднике и ожидал, когда барон нам пояс свой драгоценный передаст, я... был в другом месте. Семен, ты же знаешь, я не пью хмельного, мне все эти трапезы местные утомительны... Ну ладно, хорошо. Свидание у меня было, я на пару дней Ивана и оставил.

Крестовский молчал, Эльдар поднял на него веселые глаза, затем посерьезнел:

– В чем дело?

– Эта женщина зарегистрировалась под именем вдовы Жихаревой.

– И?

– Ее опознали только вчера: купец, у которого она была на содержании последние полтора года, в участок приходил. Говорит, поссорились они, он к ней три недели носа не казал, поэтому и спохватился поздно...

– Не томи.

– Анна Штольц, бывшая прима столичного театра. Имя тебе о чем-то говорит?

– Анечка?! – Эльдар побледнел. – Семен, я тебе честью клянусь, не виделся с госпожой Штольц уже с полгода как.

– С кем у тебя было свидание?

– Этого не скажу. Даже тебе, даже по дружбе.

– Ты понимаешь, что Петухов с нас просто так не слезет? Ты понимаешь, что алиби ты ему должен будешь предоставить в самое ближайшее время? Это же не просто кто-то кого-то амулетом попользовал, это мощный, очень мощный колдун, мы все под подозрением...

– Я у секретаря отчеты возьму? – сменил Эльдар тему. – Кстати, о Петухове. Ты говорил, господин обер-полицмейстер нам какого-то новичка сосватал? Ну, помнишь, еще до моего отъезда к неклюдам депеша была?

Крестовский опять полез в ящик стола.

– Да уж, Андрей Всеволодович нас не оставляет заботами своими. Он его на Митькино место определил – чиновник восьмого ранга Е. Попович. Юное провинциальное дарование, студент-заочник и бравый...

Тут в дверь кабинета просунулась голова секретарши Крестовского, Ляли, и ее тонкий голосок возвестил:

– Семен Аристархович, тут к вам Попович.

– Пусть войдет, – скомандовал Семен.

Голова Ляли, в мелких каштановых кудельках, исчезла, дверь распахнулась шире, и на пороге воздвиглась Евангелина Романовна – юное дарование и далее по списку.

Эльдар мысленно похвалил себя за то, что ни свет ни заря озаботился поисками

мундира для своей суфражистки. Черный цвет рыжей девчонке шел невероятно, шляпка, залихватски сдвинутая набок, придавала задорный вид, мундир затянул талию, подчеркнул бедра и грудь. Надо же, Эльдар и не ожидал, что его новая знакомица обладает столь выдающимся экстерьером. Букашечка! Нет, скорее кошка. С зеленющими глазами и круглой мордашкой, даже губы – пухлая нижняя и более тонкая верхняя – похожи на кошачьи. То-то Семка с ней намучается, с суфражисточкой! И как же занятно будет за их баталиями наблюдать...

– Попович? – В голосе Крестовского скользнула тень удивления.

– Чиновник восьмого ранга Евангелина Попович для прохождения службы прибыла, – отрапортовала Геля, сверкнув стеклышками очков.

Эльдар мысленно пообещал себе, что эту чудовищную конструкцию изничтожит при первой же возможности.

– Ева-н-гелина? – с запинкой повторил Крестовский.

– Так точно!

Барышня Попович приблизилась к письменному столу, обогнула кресло, в котором сидел Эльдар, галантный чардей приподнялся, как и положено при приближении дамы, за что был награжден несмелой улыбкой и тихим шепотком:

– Спасибо!

– Извольте, – Геля развязала ленточку, которой были скреплены документы, – результаты чиновничьего экзамена, рекомендательные письма, метрика...

Сделав шаг назад, девушка вытянулась во фронт и замерла, ожидая приказаний начальства.

Крестовский вяло поворошил бумаги на столе, потом поднял на Евангелину злые глаза:

– Позвольте узнать, любезнейшая Евангелина Романовна, когда вы в присутствие заходили, вы вывеску у входа видели?

– Так точно.

– И вы заметили на ней что-то необычное?

– Ничего, – четко ответила Геля.

Крестовский перевел взгляд на Эльдара и покачал головой. Мамаев понял, что никаких баталий дальше не предвидится. В его суфражисточке не было магии от слова совсем, нуль, ничто. К чародейскому приказу ее Семен не подпустит.

Серпень – месяц обычно жаркий, ну то есть в наших широтах, к коим Мокошь-град никакого отношения не имеет. Здесь, кажется, вовек не прекращается морозящий дождь, а небо, свинцовое и низкое, как будто льнет к водам широкой реки Мокошь, от которой и получил свое имя Мокошь-град. Хотя Гришка, например, говорит, что жару мы еще застанем, да такую, что не продохнуть. Ибо все народные приметы на ту приближающуюся жару указывают.

Я кивала согласно, думая про себя, что зонт все же надо будет прикупить.

Мы свернули с Мясоедской улицы, прошли переулком и оказались на набережной. Здесь сновали экипажи, спешили по своим важным делам важные люди, то и дело попадались облаченные в мундиры чиновники разных ведомств. Я влилась в толпу, как родная. Расправила плечи, хотя от мороси хотелось съежиться и спрятать лицо, очки от влаги запотели, и я поминутно протирала стеклышки носовым платком.

– Пришли, барышня, – сообщил Гришка, останавливаясь перед большим кирпичным

домом.

Строение было двухэтажным, а ко входу вела мраморная лестница. Стрельчатые окна, стилизованные под старину башенки, хотя, может, и не стилизованные, может, действительно дом старинный, с богатой историей. Я внимательно прочла вывеску «Чародейский приказ Мокошь-града» и удивленно воззрилась на провожатого:

– Мне в разбойный приказ надо, а это чародейский.

– Вы, барышня, сказывали, вам в Кресты. А это они и есть. Потому что разбойное присутствие – дальше по набережной, кварталах в пяти.

Я помялась, решая, что делать. Гришка, видно, уже отчаявшись получить от меня вожаденную мзду и побежать по своим делам, махнул рукой.

– Ждите. Я сейчас кого-нибудь поспрошаю.

Мальчишка повертел головой в разные стороны, скользнул взглядом мимо пары чиновников в черных мундирах и быстро пошел к углу. Там на деревянном кривом табурете сидел нищий, одноногий калика в невообразимом тряпье.

Гришка что-то быстро спросил, заломив картуз на затылок, сплюнул на землю и мелко закивал головой. Нищий ответил, Гришка опять плюнул. Через две минуты посыльный мой вернулся с отчетом:

– Дело такое. Года три как к разбойному приказу новый приказ прикрепили, этот самый, чародейский. Главного зовут Семен Аристархович, фамилия Крестовский. Тот дядька думает, что поэтому и дом Кресты прозывается. Чин... – Гришка пожевал губами, вспоминая, – статский советник. Ходят слухи, что до полицейской службы этот самый Крестовский воинским чардеем был.

Я достала из кошелька денежку. Чего уж жадничать, малец заслужил. Значит, чардеи-сыскари. Значит, поэтому мне господин Мамаев говорил, что еще увидимся.

Я отпустила Гришку и уверенно вошла по ступеням. Документы у меня были при себе, за обшлагом сюртука, свернутые в плотную трубочку. Прежде чем открыть дверь, я их достала и понесла в руке. Ладони были ледяные, и если бы не тонкая ткань перчаток, я бы точно увидела на них мелкие противные цыпки.

Дверь, несмотря на всю ее массивность, поддавалась легко, и я вошла, оказавшись сразу в приемной. За конторкой сидел полицейский чин мелкого звания, и я подробно обсказала ему, кто я и за какой надобностью.

– Вам на второй этаж. – Служака не добавил никакого обращения.

Барышней он назвать меня не мог, я в чиновничьем мундире, а отделаться обычным «ваше благородие» не мог тоже, я все-таки барышня. Это сколько же предстоит нам, суфражискам, в этом обществе изменить, сколько сил приложить, чтоб и обращения к нам человеческие изобрели и ввели их в обиход повсеместно.

На втором этаже обнаружилась еще одна приемная, поменьше первой. Там было два письменных стола – массивные дубовые коробки, крытые зеленым сукном. Левый выглядел захлавленным и явно покинутым, а за правым сидела барышня, ее аккуратные пальчики с короткими ноготками споро бегали по клавишам стационарного самописца. Барышня относилась к тому типу повзрослевших девочек, которые свой возраст принимать не желают. Ее каштановые волосы были завиты мелкой куделькой и от любого движения потряхивались и шевелились, как паучьи лапки, розовое платье украшал воротничок из кружев и манжетки.

Я поздоровалась.

– За какой надобностью? – спросила барышня, голос ее был негромок, но пронзителен.

Одновременно с вопросом она выбралась из-за стола и стала перед дверью, на которой золотилась табличка «Начальник чародейского приказа», видимо, намереваясь защитить от меня начальство собственным телом. Честно говоря, таким телом защищать что-либо от кого-либо было проблематично. Дева была худа до чрезвычайности, и даже кружевной ее наряд этого факта скрыть не мог.

Я спокойно объяснила надобность и приветливо улыбнулась. То, что в приказе работают женщины, вселяло в меня уверенность.

– Вам назначено?

Я кивнула и потрясла в воздухе трубочкой документов.

– Ждите. – Она обернулась, взмахнув кудельками волос, прислонилась к двери, приложив к ней ухо, послушала, затем осторожно приоткрыла створку и засунула голову в кабинет.

Меня все эти маневры немало позабавили. Ну что там у нее, лев африканский в начальниках? К чему такая осторожность? Я улыбнулась, и с этой же улыбкой вошла в кабинет, когда мне было позволено войти.

Лев! Африканский! Сердце ухнуло в пятки, вернулось в грудь и часто-часто заколотилось о грудную клетку. Мужчина, восседающий за огромным письменным столом, действительно походил на льва – как повадками, так и внешностью. Он поднял голову от бумаг, будто царь, оглядывающий свой прайд. Его невероятные золотисто-рыжие волосы были похожи на львиную гриву, а синие глаза соперничали цветом с сапфирами, которые украшали аккуратные мочки ушей. И фарфорово-белая, какая бывает только у рыжих, кожа без единой веснушки, чего у рыжих вообще-то не бывает. Он сдвинул золотисто-коричневые брови:

– Попович?

Голос приятный – довольно низкий баритон с хрипотцой.

У меня неожиданно отказали ноги... и руки... Я с ужасом поняла, что вот-вот брякнусь в позорный обморок.

Спокойно, Геля, дыши! Помни, что тебя могут интересовать только мужчины неказистые, вот ими и интересуйся. Но только в том случае, если эти уродцы примут и разделят твои суфразистские взгляды. Иначе никак. Я представила плотную толпу уродцев, мои взгляды разделяющих, и мысленно хмыкнула. Меня слегка отпустило.

– Чиновник восьмого ранга Евангелина Попович для прохождения службы прибыла! – Голос дрогнул на «восьмом ранге», поэтому рапорт получился с интонацией слегка вопросительной.

– Евангелина? – переспросил лев, забавно таращась.

«Нет, Кракозьябрина», – захотелось мне ответить, но вместо этого я уверенно отчеканила:

– Так точно! – И пошла к столу.

Только сейчас я заметила, что Крестовский был не один, в кресле напротив хозяина кабинета сидел мой благодетель Мамаев, выражающий своим скуластым лицом приветливость и дружелюбие.

Я прошептала чардею слова благодарности и выложила на стол свои документы:

– Извольте, результаты чиновничьего экзамена, рекомендательные письма, метрика...

Я распрямилась, сделала полтора быстрых шага назад и замерла. Когда нас на курсах в

Вольске строевой премудрости обучали, я всегда путалась, с какой ноги назад ступать. Но сейчас, судя по тому, что в ногах не запуталась да на ковре не растянулась, все исполнила правильно.

Лев смотрел на мои бумаги с нескрываемым отвращением, даже нижнюю губу закусил, с этим самым отвращением не совладав:

– Позвольте узнать, любезнейшая Евангелина Романовна, вы, когда в присутствие заходили, вывеску у входа видели?

Я припомнила дубовую доску у входа, золоченые буквы, стилизованные под старинную вязь, и ответила:

– Так точно.

– И вы заметили на ней что-то необычное?

– Ничего.

Я чуюла в вопросе подвох, но ответить иначе не могла. Скорее всего, на вывеске еще какие-нибудь чардейские знаки понамалеваны были, коих я рассмотреть не в силах. А скажу – «видела», меня спросят – «что?», а тут уж никакой удачи угадать не хватит.

Лев облегченно вздохнул, посмотрел на Мамаева, покачал головой, сережки-камешки нестерпимо блеснули в лучах неожиданно выглянувшего из-за туч мокошь-градского солнца.

– Берите свои документы, барышня Попович, – велел хозяин кабинета. – И извольте обождать в приемной. Мой секретарь сейчас составит письмо к господину обер-полицмейстеру, с коим вы немедленно отправитесь в разбойный приказ. А там уж его высокопревосходительство подберет вам должность в соответствии с вашими возможностями.

Мне захотелось заплакать. Спокойно, Геля. Все же на самом деле к лучшему. Ты же к чардеям вовсе и не хотела попадать.

– Почему? – Голос предательски дрогнул, и чтоб скрыть эту дрожь, я подняла голову и прямо взглянула в сапфировые львиные очи.

– Вы не чардей. В нашем приказе все, даже уборщики, обладают хоть каким-то магическим даром. Вы просто не сможете здесь работать.

Мне хотелось спорить, орать до хрипоты, доказывая свое право, но слов не находилось. Обычно я на слова-то бойка, но сейчас как будто ветром из головы все повыдуло. Наверное, на меня так действовало присутствие этого ирода рыжего. Извольте подождать...

Я схватила со стола свои бумаги и быстро вышла в приемную. Не потому что сдалась, а потому что мне нужно было пару минуточек спокойствия – мысли в порядок привести. Краешком глаза я заметила, что Мамаев мне пытается подавать какие-то знаки, но даже не обернулась. В этих делах мне протекция без надобности. Или сама всего добыюсь, или в разбойный приказ отправлюсь, уже там им что-то доказывать.

Я мстительно хлопнула дверью и присела на краешек захламленного стола. Барышня-секретарь подняла на меня глаза. Она уже не печатала – развлекалась, рисуя на своих ноготках цветочки и звездочки, просто взглядом, между прочим, рисуя. Кругом одни чардеи!

– Свирепствует? – Тон у девушки был вполне дружелюбным.

Я пожалала плечами, говорить не могла: знала, что, открыв рот, просто позорно разревусь.

Барышня на мое молчание не обиделась, достала из ящика стола стеклышко в медной проволочке и стала сквозь него рассматривать что-то на корешках папок, плотно стоящих в пристенных шкафах.

– Это что? – тихонько спросила я.

– Это? – Девушка обернулась. – Ну, у нас приказ же чародейский, на всей документации дополнительные магические руны нанесены, для удобства.

Значит, барышня этих рун не видит, если ей этот монокль понадобился. Тут ожил серебряный колокольчик, стоящий на подставке подле самописца, барышня бросила свой монокль на стол, схватила планшетик с болтающимся на нем стилем и юркнула в кабинет. Письмо там сейчас про меня составлять будут. Рыжий ирод диктовать, а она за ним записывать.

Я, воровато озираясь, схватила монокль, взамен оставив свои документы, чтоб никто меня в воровстве не заподозрил, и быстро побежала по лестнице на первый этаж.

Дежурный у входа меня ни о чем не спросил, я выскочила на улицу, подошла к вывеске и, выдохнув, – или пан, или пропал! – посмотрела на нее сквозь чардейское стеклышко.

Перфектно! Смысла значков я не понимала вовсе, но сейчас мне это было без надобности. Я просто смотрела, запоминая каждый крестик, каждую загогулину. А память у меня хорошая. Зажмурилась, представляя все эти закорючки, потом еще раз посмотрела, проверяя, правильно ли запомнила, и быстро побежала обратно к кабинету Крестовского. Секретаря в приемной не было, видимо, письмо они в кабинете сочиняли объемное да обстоятельное, поэтому я просто толкнула дверь и вошла. Мамаев сидел в том же кресле, где я его оставила, и скучал. Барышня-секретарь почтительно стояла поодаль, держа перед собой планшетик, а рыжий ирод вещал. Он запнулся, конечно, на середине фразы, когда я влетела в кабинет и споро, чтоб ничего не забыть, почти легла животом на его письменный стол, выдернула из-под пресс-папье листок чистой бумаги и, схватив лежащее тут же перо, принялась рисовать. Одна, две, три, восемьдесят семь закорючек, я разогнулась, помахала листком в воздухе, чтоб чернила просохли, и положила свое творение пред сапфирные очи начальства.

– Вот что у вас на вывеске необычного было!

Дышалось с трудом – и от волнения, и от физических усилий, потому, поискав взглядом, я придвинула к себе графин с хрустальным плоским бокалом, налила из первого во второй воды и одним глотком отправила ее в себя.

– Я разглядела руны с помощью вот этого чардейского приспособления, – стеклышко легло на затянутую сукном столешницу.

– И что весь этот балаган должен мне доказать? – после паузы спросил Крестовский.

Я выдохнула. Спокойно, Геля.

– Вы знаете, что только около двадцати процентов населения Берендийской империи облают магическим даром?

– Предположим.

Кажется, лев на меня не злился, ему действительно было любопытно, к чему я веду.

– И знаете, что довольно большой период нашей истории эти двадцать процентов боролись за то, чтоб немагическое большинство их не дискриминировало, чтоб прекратилась охота на ведьм, преследование чародеев?

– Это вас на малой родине учили начинать беседу риторическими вопросами? – риторически спросил Крестовский.

– Сейчас вы дискриминируете меня. – Я кротко вздохнула. – Только что я вам доказала, что человек, не обладающий магическими талантами, может достичь успеха, используя только природную смекалку. Я была лучшей на курсе, и у меня есть данные через какое-то время стать высококлассным сыскарем. Не лишайте меня этой возможности! Дайте мне один

шанс, и я докажу вам, что обладаю и необходимыми талантами, и умением, и упорством.

Я смолкла. Больше слов у меня не было. Крестовский молчал. Мамаев страшно двигал лицом, видимо, желая что-то сказать, но опасаясь, что это что-то окажется не тем. Лев опять закусил губу, посмотрел на своего секретаря, сдвинул брови.

– Ольга Петровна, будьте любезны проводить барышню Попович в приемную. И захватите с собою графин, нашей... гм... коллеге надобно еще остудиться. Я вызову вас.

Секретарь – Ольга Петровна, надо запомнить! – потеснила меня к двери. Мамаев улыбался. Возможно, этот раунд все-таки останется за мной?

Мы вышли, я села за уже ставший родным захламленный стол и придвинула к себе графин.

– Меня зовут Ляля, – Ольга Петровна присела в книксене.

– Геля. – Я отпила из горлышка и приложила графин к виску.

Моя эскапада далась мне непросто.

– А ты смелая, – протянула Ляля слегка, как мне показалось, осуждающе. – Я бы так не смогла.

– Я бы тоже не смогла, жизнь заставила...

– Между прочим, я, когда в присутствии на службу устраивалась, могла только три магических знака на вывеске рассмотреть. Мне бы даже и в голову не пришло моноклем воспользоваться. Это же просто гениально!

Теперь осталось, чтоб моей гениальности хватило для того, чтобы меня сюда на службу определили. В голове шумело. Ну что он там наreshает, ирод рыжий? Ну сколько можно думать? Когда нас к нему на ковер позовут?

На ковер нас не позвали. Дверь раскрылась неожиданно, как от толчка, Крестовский вышел из нее с видом короля на променаде:

– Вы остаетесь служить в чародейском приказе, госпожа Попович, – провозгласил он, – но с некоторыми оговорками. Первое, я даю вам испытательный срок, тот самый один шанс, которого вы у меня так экзальтированно требовали. Два месяца вы работаете у нас, я наблюдаю и по факту вашей работы приму решение. Второе, бегать за преступниками с револьвером вам запрещается, у нас и без вас есть... шуты гороховые для этих дел. Третье, рабочее место ваше будет здесь, – он обвел широким жестом захламленный письменный стол. – Наведите порядок и немедленно приступайте. Для начала будете помогать Ольге Петровне с документами. Надеюсь, на вашей родине вас научили скорописи и обращению с самописцем. Засим все. За жалованьем обратитесь в приказное казначейство, вам там какие-то подъемные положены.

И король в сопровождении свиты удалился. Сама свита – Эльдар Давидович Мамаев – всячески выражала удовольствие от монарших решений, не забыв, впрочем, подмигнуть мне и Ляле, отчего я устало скривилась, а Ляля зарделась, как маков цвет.

Перфектно!

– У тебя получилось! – Ляля захлопала в ладоши. – А у меня теперь есть подруга и наперсница.

– Не совсем. – Я отставила уже пустой графин. – Выгонит он меня после испытательного срока.

– Почему?

– Поскольку ни самописцем, ни скорописью я не владею. На моей родине предполагалось, что сыскарь как раз с револьвером за преступниками бегать обязан.

– Пустое, – Ляля захихикала. – Невелика наука. Я тебя в два счета обучу.

Ольга Петровна оказалась вполне своей барышней. То, как быстро она перешла со мной на «ты», с какой готовностью предложила помощь, немало меня к ней расположило. Была она затюканной обилием в приказе великих чардеев, храбрых вояк и просто приятных глазу мужчин. А мужчин Ляля любила, но боялась. Не опасалась, как любая здравомыслящая особа женского пола, а именно боялась, как зверек, затаившийся в кустах при приближении охотника. При появлении на горизонте любого представителя сильного пола она менялась в лице, опускала очи долу и принималась жеманиться, картавить, мило тянуть гласные и хлопать глазами, голубыми, как небо над орюпинскими пустошами. Несмотря на все попытки сойти за прелесть какую дурочку, была она также сметлива, спора в работе и аккуратна. Она в три минуты отыскала нам ведро с водой, ветошку, метелку, а когда мы разгребли и размели все пыльные залежи, на кои мое новое рабочее место было богато, притащила откуда-то горшок с чахлыми гортензиями и установила его в углу стола.

– Говорят, самописцы во время работы излучают какие-то флюиды магические, – пояснила она мне. – А зелень эти флюиды на себя принимает. Поэтому опытный самопечатник всегда должен подле себя цветы держать.

Стационарного самописца мне по должности не полагалось. Хозяйствующий дядька, который пришел ко мне по начальственному повелению, сказал, что портативные писюки (да, он так и сказал) у него в кладовке имеются. Вот только принести мне один сей же час он никак не может, ибо дела его хозяйственные, важные да неотложные, требуют его присутствия ежесекундно, и в эту секунду в том числе. Но ежели я выражу свое неодолимое желание сим рабочим инструментом немедленно обладать, он даст мне ключ от кладовки и объяснит, как до нее добраться.

Я неодолимое желание выразила. Ляля же, вздохнув, сослалась на то, что свое рабочее место покинуть не может. Ко всему в ее обязанности входило дежурство у телефонного аппарата, который стоял на ее письменном столе и время от времени мелодично, как пластины ксилофона, взвывивал.

– Ты не забоишься одна в кладовые спускаться?

Я пожалала плечами:

– Ну это же не гнумские подземелья.

Хотя, по чести говоря, и в гнумские подземелья я бы спустилась без всяких опасений, если бы возникла нужда.

Поэтому в кладовую я отправилась в одиночестве, зажав в руке огромный, кованный, наверное, еще в прошлом веке ключ. Пройдя через приемную первого этажа, я свернула направо, в коридор, и, дойдя до третьей двери, толкнула ее. Вниз от порога вели ступеньки – каменные, вытертые от времени. Я включила заблаговременно подвешенный на грудь фонарик и стала спускаться. Дядька говорил – спуститься в подвал, пройти мимо арестантской, а там уже и кладовая. Подземный коридор изгибался, заворачивал, но заблудиться я не опасалась. К тому же на потолке то там, то здесь стали появляться светильники-светлячки – магические безделушки, часто используемые в погребах да подполах и у нас, в Орюпинске. Я, будучи барышней бережливой до скуповатости, решила, что фонарь в целях экономии можно и выключить. Рычажок заедал, я остановилась, сняла с шеи веревочку, на которой висело на мне устройство. Зубами, что ли, попробовать? И, бросив взгляд вперед, ахнула: из коридорной полутьмы на меня наступал неключ на грани трансформации. С такими огромными зубищами, коими мой фонарь можно было не только

выключить, но и прожевать и выплюнуть секунд за тридцать. Я заорала, бросила фонарь в оскаленную морду и провела боевой захват с перебросом через бедро. Бесник застонал, потирая ушибленный бок. Позади меня заплодировали. Обернуться я боялась – неключод в любой момент мог перейти в атаку. Я перехватила ключ, оставив головку в ладони, а шток пропустив между средним и безымянным пальцами, и приподняла локоть, готовясь в случае прямой атаки нанести серию колющих ударов.

Бесник пробормотал что-то на своем языке.

– Он говорит, любезная Евангелина Романовна, – Крестовский осторожно взял меня под локоток и попытался отобрать ключ, – что когда вы повергнете его в третий раз, по законам его народа вам обоим придется вступить в супружеский союз. Поэтому, если не желаете закончить свою головокружительную сыскарьскую карьеру в неключодском таборе...

Он поглаживал мои скрюченные на штоке пальцы, желая их разомкнуть, а у меня сердце заходило в какой-то сладкой истоме. Гелька, не дури! Не давай телу возобладать над разумом. На это они нас, женщин, и ловят, на речи медовые, на прикосновения жаркие. Ты же о таком не раз и не два слышала. Отольется оно потом слезами стократно. Не твой это путь, Геля, ох, не твой...

Я дернула локтем, вырываясь, но взгляда от неключода не отвела:

– Он на грани трансформации.

– Так темно тут, чавэ, – Бесник сидел на полу, разведя руки, – я без солнечного света вторую ипостась плохо контролирую. Сейчас на свет божий выйду, опять красавец буду.

Я заметила, что неключод приоделся и теперь не в пледы вагонные закутан был, а щеголял в приличном костюме, из-под расстегнутого на груди сюртука виднелась белая сорочка, расшитый серебряной канителью жилет, и даже галстук, пока не повязанный, а просто висящий на шее, был благопристойной неяркой расцветки. За то время, что мы не виделись, Бесник еще немного зарос, и теперь его подбородок украшала аккуратная черная эспаньолка. Неключод потрянул кудрями:

– Ну что, чавэ, успокоилась? Я вставать буду, оружие свое грозное опусти.

Я безвольно опустила руки. Спиной я ощущала присутствие Крестовского. Сквозь все слои ткани, нас разделяющие, я чувствовала жар его тела, и меня это очень нервировало. Шагнув вперед, я присела в книксене:

– Простите, господин Бесник. Я неправильно расценила ваше появление. Надеюсь, больше подобного не повторится.

Неключод хмыкнул, посмотрел мне за спину и подмигнул:

– С такими служаками, Семен Аристархович, вам сам черт не страшен.

Крестовский не ответил. Позади меня раздались еще голоса, и я наконец, повернувшись раскрасневшимся лицом к непосредственному начальству. К нам по коридору приближались Зорин с Мамаевым, причем, поскольку первый был в виде, слегка растрепанном, я поняла, что он еще не успел сменить дорожную одежду.

– Геля, суфразисточка наша! И опять в баталиях! Рад, рад безмерно. – Иван Иванович от избытка радости даже приложился к моей руке, чем вызвал мое недовольство, кое я, впрочем, никак не выказала. Я сыскарь, коллега. Нечего тут со мной куртуазности устраивать!

– А мы Бесника отпускаем, – тем временем басил Иван Иванович. – По взаимной договоренности сторон. Волшебство мое уже развеялось, так что пойдет наш неключод на все четыре стороны. А ты... – Он быстро взглянул на Крестовского и сменил обращение: – А вы,

барышня Попович, здесь за какой надобностью?

Я объяснила. Зорин немедленно предложил свою помощь, и мы, кивнув коллегам, отправились в кладовые. Крестовский с Эльдаром пошли в другую сторону, сопровождать Бесника. Издали до меня донесся возбужденный говорок Мамаева:

– Она его через бедро перебросила? Или мне показалось? Он же чуть не в полтора раза ее в росте превосходит!

Я могла бы ответить, что в этом деле главное не рост, а правильная точка приложения силы, но меня никто не спрашивал. Зорин щебетал что-то отвлеченное, сызнова перейдя на «ты», рассказывал, что они с Эльдаром поспорили, оставит меня Крестовский в приказе или нет.

– А ты на что ставил?

– Я думал, он тебя отошлет, – хмыкнул Зорин. – Просто у нашего Семушки отношение к женщинам не самое доверительное. Но это потому, что таких, как ты, он в жизни своей доселе не встречал!

Похвала была мне приятна. Семушка... Рыжий ирод он, а не Семушка. Мог же просто приказать мне ключ отдать, а не по пальцам выглаживать. Точно, ирод!

Самописец в хозяйстве дядьки оказался только один, увесистый, размером со старинный фолиант. К счастью, в комплект к нему полагался холщовый чехол с наплечным ремнем. Я примерила обновку, отрегулировала длину ремня и осталась довольна. Зорин самописец мне нести не позволил. Пробормотал что-то о том, что идеи суфражизма он со вчерашнего дня всецело разделяет и поддерживает, даже готов встать во главе движения, а тяжести мне таскать все одно не даст, и понес мое приобретение под мышкой.

Ляля встретила нас радостно, зашлась хихиканьем при виде Зорина, прокартавила, что начальство приходило и опять ушло, что до конца рабочего дня мы будем предоставлены сами себе, и время это Ляля планирует посвятить обучению меня самописным премудростям.

Зорин раскланялся, перейдя на «вы», из чего я заключила, что на службе этикет и субординацию должно блюсти, и удалился домой, досыпать недоспанное при неключе.

Самописец оказался аппаратом несложным, но напичканным магией под завязку.

– Мы вводим данные буквами, – с учительскими интонациями поясняла Ляля, – затем они помещаются в информационный кристалл, из которого могут быть извлечены непосредственно на бумагу либо храниться в кристаллах, покуда в них не возникнет необходимость. Больше половины документооборота у нас так и происходит. Вот смотри. – Она достала одну из толстых папок, развязала тесемки и развернула картонку на столешнице. Внутри обнаружилось с десяток углублений, в некоторых из них лежали черные шершавые пластины.

– Это информационные кристаллы. Обычно ты их не видишь, потому что они внутри самописца, но если пришла пора заменить...

Ольга Петровна ловко отщелкнула какую-то скобу сбоку аппарата, показала углубление, потом велела мне повторить ее действия. Дело спорилось. Ученицей я была благодарной, поскольку понимала, что другой возможности обучиться мне может и не представиться.

Потом мы довольно долго посвящали меня в таинства расстановки пальцев на клавиатуре и в тонкости подбора нажатия.

– Да не колоти ты так, – стонала Ляля. – Не на клавикордах играешь! Легонечко надо. Щелчок, который от соприкосновения с клавишей происходит, он не от пальца должен

исходить, а от самой клавиши. Тут главное – уверенность. Самописец чувствует твоё состояние, и коли расслабишься, ошибок тебе наделает будь здоров!

Наконец, когда мои пальцы уже почти не шевелились от усталости, а новые знания перестали помещаться в голове, Ляля решила, что на сегодня хватит.

Я поднялась со своего места, потянулась, сняла очки и прижала к глазам ладони. За окном темнело. Присутствие, днем полное жизни, разговоров, щелканья клавиш самописцев, сейчас звенело тишиной. Припозднились мы в мой первый рабочий день.

– Да у тебя здесь простые стеклышки. – Коллега, успевшая нацепить мои очки на свой востренький носик, любовалась своим отражением в зеркальце. Зеркальце было забавное, будто детское. Посеребренную пластинку охватывал хоровод латунных паучков.

– Я их для солидности ношу, – пояснила я. – А ты у младшей сестры вещицу отобрала?

– Это? – Ляля усмехнулась. – Это, моя дорогая провинциальная подруга, наимоднейшая забава среди молодежи Мокошь-града. Называется «Сети любви».

– Игра?

– Ну, пусть будет игра. погоди, я покажу.

Ляля потянулась к телефонному аппарату, крутанула ручку раз, другой, затем сняла трубку и четко проговорила:

– Суженый мой, ряженный, приди ко мне наряженный! – И, смеясь, повесила трубку обратно на аппарат.

– И дальше что?

– Смотри!

Она протянула мне зеркальце, на его поверхности проявлялась какая-то надпись. Да почему это какая-то? Я вполне могла ее прочесть: «Швейный переулочек у кафешантана два часа до полуночи». Буквы опять расплылись и пропали.

– И что это значит?

– А то, что ежели я в указанное время в указанное место отправлюсь, там встречу свою судьбу.

– Ты уже пробовала? Оно всегда по ночам свидание назначает? Как оно действует?

– Как действует, не знаю, – обстоятельно отвечала Ляля. – Только мне кажется, что это какое-то простенькое колдовство, на телефонной магии повязанное. Свидания оно назначает в разное время, как повезет. И я им еще не пользовалась. Потому что только сегодня эту вещицу в лавке купила.

– Давай посмотрим, – хулигански предложила я.

Не то чтоб меня свидания интересовали, просто первый день требовал какого-то шикарного завершения. А то что? Добреду в свою комнатенку, чаю похлебаю и почивать?

– Сейчас?

Я постучала пальцем по приколотым на груди часикам.

– Уже девять, за два часа до полуночи – это ровно через час. Это же совсем не поздно еще будет. Или тебя родители дома заругают?

– Да какие родители, – Ляля усмехнулась, на этот раз грустно. – Сирота я. У дядюшки в приживалках живу, все никак не соберусь отдельные апартаменты подыскать. А двадцать пять годков мне еще весной исполнилось, сама себе хозяйкой стала.

Двадцать пять – это был важный возраст для любой незамужней женщины. В двадцать пять ты уже могла ходить по улицам без сопровождения, не попирая приличий, жить отдельно от родителей, и хотя считалась старой девой, обретенная свобода сие обидное

звание искупала.

– Вот подыщу себе жилье, смогу хоть в полночь с тобой бродить, хоть за полночь. А пока... дядюшка строг, военного воспитания. Если до десяти вечера домой не явлюсь...

– Выпорет? – ахнула я, всплеснув руками.

– Я не знаю. Еще ни разу не опаздывала.

Ляля накинула на плечи отороченную кружавчиками пелеринку, надела шляпку, тоже до крайности кружевную – уж не дядюшка ли ей велит так одеваться? – и мы вместе спустились на первый этаж.

За конторкой сидел вахтенный, двери всех выходящих в приемную кабинетов были заперты, царила сонная нерабочая полутьма.

Ляля показала мне, как расписываться в книге приходов и уходов, обозначая точное время.

– Дядюшка за мной коляску прислал. Если хочешь, я тебя подвезу.

– Не нужно. Мне пешком недалеко. После насыщенного дня лучше пройтись.

– Понятно, – девушка улыбнулась с лукавинкой. – Кажется, новому чардейскому сыскарю не терпится самой все проверить?

Я непонимающе приподняла брови.

– Держи! – Ляля вложила в мою руку паучье зеркальце. – Развлекайся, коллега.

И выскользнула за дверь. Пока створка не захлопнулась, я слышала дробный стук каблучков по мрамору ступеней.

– Евангелина Романовна Попович? – вдруг отмер вахтенный, рассматривая мою подпись в книге приходов.

– Именно.

– Для вас тут сообщение оставлено.

Он порылся в отделениях конторки, пошевелил губами, читая адресатов, потом протянул мне записку. В ней крупным твердым почерком сообщалось, что одолженный мне для хозяйственных нужд фонарь я должна вернуть в хозяйственную часть не позднее восьми часов утра следующего дня. В противном случае мне грозил денежный штраф.

Я поморщилась. Фонарь я оставила внизу, когда напала на ни в чем не повинного неключда. Значит, мне придется или вернуться в присутствие до половины восьмого – а ежели учесть, что время работы заведения было с десяти, радовала меня эта перспектива мало, – или спуститься за казенным имуществом сейчас. Я выбрала второе.

Вахтенный мне с новым фонарем помочь не мог, но дорогу я помнила прекрасно, как и то, что в коридоре имелись магические светильники, которые не позволят блуждать в темноте.

Спустившись на ощупь по вытертым ступенькам, я пошла вперед, а через несколько минут – уже на свет. Потом стала поглядывать под ноги. Зеркальце, подарок Ляли, отвлекало, и я засунула его во внутренний потайной кармашек сюртука. Фонаря все не находилась, я уже миновала место славной баталии с бородатым Бесником, прошла чуть дальше, до самой арестантской, дверь в которую была прорублена справа по стене. Заглянула я в нее просто так, без планов обыска. На широкой лавке, стоящей вплотную к клетке, сладко спал и, кажется, похрапывал во сне мой непосредственный начальник – Семен Аристархович Крестовский. Но влек меня в арестантскую совсем не он, а мой фонарик, лежащий здесь же, в изголовье почивающего льва.

Перфектно! Вот она, пропажа! Стараясь не потревожить спящего, я на цыпочках

приблизилась к лавке. Какой же он красавчик! Не фонарь, знамо дело, а рыжий ирод. Особенно когда спит. Черты лица расслабились, сглаживая мимические морщинки между золотистыми бровями, губы не сжимались в брезгливой или недовольной гримасе, а тоже... Отдыхали? Предвкушали?

Я заметила, что дышу через раз, и сердце опять заколотилось в груди. Эх, Гелька, надо было в разбойный приказ идти. Там небось полицмейстеры постарше и пострашнее обитают.

А забавно получается. Значит, начальство нас на службе в одиночестве оставило, чтоб тихонько пробраться в арестантскую и здесь покемарить? Его дома, что ли, не ждут? Жена там, детишки или старушка-мать? Надо будет завтра у Ляли про семейное положение нашего льва расспросить. Так, на всякий случай. Нас на курсах учили, что сбор информации для сыскаря – наипервейшее дело.

Для того чтоб дотянуться до фонаря, мне пришлось наклониться над спящим, максимально вытянуть корпус, затем и руку. Я поморщилась, чувствуя, как ноет плечевой сустав – еще чуть-чуть, и он хрустнет от усилий. Очки съехали на кончик носа, но мне было не до них, – я тянула и тянула вперед руку, одновременно стараясь не свалиться на спящего. Бамц! Очки упали, задев начальственный подбородок. Бум! Лев открыл свои сапфировые очи. Ба-бам! Подошва моего ботинка соскользнула на гладком полу, и я упала плашмя. На Крестовского! В полный рост! Прижавшись к нему грудью!

Как я не сгорела, не сойдя с этого места, я не поняла. Хотя почему не поняла? Не могла я с места сойти, потому и не сгорела. Его высокородие, видимо, в силу армейской выучки, быстро обхватил меня за спину:

– Мне весьма льстит ваш, госпожа Попович, энтузиазм. Но позвольте узнать о цели ваших странных маневров.

Его рот в это время был в двух вершках от моего, и до меня донесся едва заметный аромат ментола.

– Фонарь хотела забрать! – Смотреть ему в глаза, да еще без очков, было почти физически больно.

– Понятно. – Он распрямил руки, отстраняя меня, затем сел и подал мне казенное имущество. – Этот?

– Да, благодарю. – Я покраснела, наверное, до бордовости, поэтому присела, поднимая с пола очки.

– Что у вас в кармане?

– Что?

– Что вы прячете на груди, барышня Попович? Я почувствовал это, когда мы... кхм... Револьвер?

Я замахала руками, полезла в карман, достала зеркальце. Крестовский, уже поднявшись с лавки и поправляя галстук, тряхнул головой. Когда он увидел зеркальце, на мгновение замер:

– Откуда оно у вас?

– Подруга подарила. Это...

Мне стало невероятно стыдно. Даже стыднее, чем начальство таким неподобающим образом будить. Что он сейчас обо мне подумает? Наш новый сыскарь – легкомысленная финтифлюшка? Дурочка провинциальная?

Крестовский ждал ответа.

– Это игра, – сказала я. – «Сети любви». Если телефонировать куда угодно и вслух проговорить «суженый мой, ряженный, приходи ко мне наряженный», на зеркальце появится адрес и время встречи с суженым.

Интонации мои были такими казенными, что я даже взбодрилась. Есть еще порох в пороховницах, не все на борьбу со странными мыслями потрачено!

– Какое?

– Что какое? – Я уже подумывала прицелкнуть каблуками, для придания себе вида придурковатого, так ценимого всяческим начальством.

– Время и место встречи с вашим, Попович, суженым?

Вот, значит, как? Значит, барышню мы по дороге где-то потеряли? И на Евангелину Романовну свой драгоценный речевой аппарат трудить не намерены? Значит, я теперь у нас Попович буду?

– Швейный переулочек у кафешантана, два часа до полуночи! – отрапортовала я.

– Пойдемте, – Крестовский повел рукой, приглашая меня к выходу.

– Куда?

– Я хочу посмотреть на счастливец, с коим вас свела судьба.

– У меня еще фонарь... Хозяйственная служба... Штраф...

Я лепетала уже на ходу, едва поспевая за широким шагом начальства, но потрясала фонариком в воздухе для демонстрации важности и неотложности возвращения казенного имущества на место непосредственного складирования оно.

Крестовский взлетел по лестнице, ни разу не запнувшись, я заподозрила, что он, как кошка, видит в темноте, и ждал меня в освещенном дверном проеме.

– Разберемся мы с вашими, Попович, штрафами, – бросил он мне раздраженно, отобрал фонарь, поставил его на конторку.

Вахтенный вытянулся во фронт.

– Он отдаст ваш фонарь в пересменку, – обернулся ко мне Крестовский. – Поспешим. Мне хотелось бы быть в Швейном переулке незадолго до назначенного времени. – Зеркальце он мне так и не вернул.

Мы вышли на набережную и быстро пошли вдоль парапета. Дорога была мне знакома, потому что именно по ней я сегодня утром в приказ шла. Дождя не было, над влажной брусчаткой зажигались фонари. Мы свернули в какой-то переулочек. Я подумала, что, оказывается, квартирую неподалеку от кафешантана. Потому что ежели пройти вон туда...

– Вы первый раз это делали? – спросил Крестовский через плечо.

– Что?

– Попович, будьте расторопнее. Где ваша хваленая смекалка? Сколько раз вы себе суженого вызывали?

Я решила Лялю не выдавать. Мне-то что, все плохое, что его высокородие мог про меня сегодня подумать, уже подумал, а ниже дна не упадешь.

– Сегодня впервые. На моей малой родине о подобных забавах еще не знают. Видимо, от недостатка телефонной связи в провинции.

– Как оно работает?

– Точно не знаю. Но немножко колдовства, завязанного на телефонное...

Крестовский остановился под фонарем, достал из кармана мое зеркальце, повертел его, рассматривая, и опять спрятал.

– Понятно.

Он замер, о чем-то размышляя, я стояла рядом, дура дурой. Мимо шли люди, некоторые поглядывали в нашу сторону с удивлением. Еще бы, – чиновничья дама в мундире и нарядно одетый господин. Кажется, в присутствие в казенном хожу у нас только я и младшие чины, которым это по должности полагается.

– Кафешантан где? – Я заметила перемену в лице начальства и подумала, что уже вопросом его от дум не отвлеку.

– За углом. – Семен Аристархович посмотрел на меня с отвращением. – В следующий раз на дело переоденьтесь. Ваш мундир за версту видно.

Я кивнула. Обязательно, всенепременно. Особливо ежели меня перед делом кто-нибудь озаботится об этом самом деле уведомить. Сию же секунду переоблачаться брошусь... Сундук! Я так и не забрала свой багаж!

Скорбные думы о запасных платьях, нижнем белье и премиленькой шляпке с зелеными лентами заняли меня настолько, что я осталась равнодушной и к ярким кафешантанным афишам, на которых изящная барышня поднимала над головой ножку, отчего были видны кружевные панталончики, и значилось: «Богиня любви Венера, проездом из Парижа!», и к нарядной публике, ожидающей начала представления у входа.

Крестовский откинул крышечку карманных часов.

– Десять. Кто из них ваш суженый, Попович?

Я не знала. Из широко раскрытых дверей раздался звонок, возвещающий о начале представления, и публика приливной волной устремила внутрь. Через полторы минуты мы остались перед входом одни. Служитель, неодобрительно на нас поглядевший, закрыл двери, и теперь даже музыка доносилась до нас приглушенно.

– Какая неожиданная встреча! – Из-за угла, расставив руки, как будто собираясь кого-то обнять, к нам подходил Эльдар Давидович Мамаев. – Вы-то здесь какими судьбами?

Я уж было открыла рот, чтоб рассказать про зеркальце, но была остановлена властной начальственной рукой. Рука эта ухватила меня за локоток и сжала так сильно, что мне пришлось сдерживаться, чтоб не пискнуть придавленной мышью.

– Экскурсию по местным трущобам для нового служащего провожу, – ответил Крестовский. – А вы, коллега, за какой надобностью в эти нехорошие места забрели?

– Это же не допрос? – хихикнул Мамаев. – Тогда о своих целях я вынужден буду промолчать даже под пытками.

– Понятно. В таком случае не смеем вас задерживать. – Крестовский, все так же держа меня за локоть, развернулся и потащил меня прочь.

А интересно, это Мамаева Ляле зеркальце напороочило? Это с ним она увиделась бы, коли бы на встречу пошла?

– Будьте расторопнее, Попович!

Я ускорила шаг. Мы почти подбежали к остаткам развалившейся церкви. Только здесь Крестовский отпустил мою руку и сел на слом стены, будто силы его оставили. Я огляделась. До меблированных комнат «Гортензия» минут семь неторопливым шагом. Улица была безлюдна, только какая-то коляска вывернула из-за угла, лошадка, чью голову украшал затейливый плюмаж, процокала по разбитой мостовой до следующего поворота.

– Ежели наше дело закончилось, я хотела бы пойти домой, – противным голосом проговорила я в пространство.

– Наше дело, Попович, только начинается. – Он тоже умел говорить противным голосом. – Завтра с утра обойдете все лавки, где продают ваши «Сети любви», и узнаете, кто

в столице такие безделушки производит. Докладывать лично мне.

– Слушаюсь.

– Я видел похожее зеркальце на месте убийства... Идемте, найдем вам извозчика.

– Не стоит. – Моя голова уже занята была планированием завтрашних поисков. – Я живу неподалеку.

– Здесь? – Он, кажется, удивился. – Тогда вас необходимо проводить.

Я не возразила оттого, что голова уже другим занята была. Сперва надо найти посыльного Гришку, он меня на лавочников выведет. Если я просто в лавку зайду и начну спрашивать, не узнаю ничего или очень мало. Над легендой потом подумаю, у меня для этого целая ночь впереди. А вот над маскарадом голову поломать придется уже сегодня. Мне срочно нужна другая одежда. Ходить в мундире на задание – глупо. Я, конечно, заслужу определенное уважение в глазах опрашиваемых, но откровенных ответов не дождусь. Где же одежду до завтрашнего утра взять? Да не просто абы какую, а к случаю подходящую. Может, у начальства совета спросить?

Я искоса взглянула на Крестовского. Сапфировые серьги в его ушах блестели при свете фонарей. Колдун! Чардеище! И чем-то очень взволнован. Мне-то он пока не скажет, что его тревожит. Начальство... Долгое слово, мне не нравится. Вон он быстро применился меня просто Попович называть. Коротко и по существу. Мне для него тоже надо прозвание придумать, так сказать, общение уравновесить.

– Шеф! – выпалила я неожиданно даже для себя. – Я свой багаж в поезде забыла, мне завтра на дело не в чем идти. При приказе какая-нибудь костюмерная имеется для таких форс-мажорных случаев?

Он посмотрел на меня с таким видом, как будто заговорила каменная стена или разверзлась геенна огненная.

– На вашем багаже была магическая метка?

Я кивнула. Матушка настояла, дабы, случись что, Гелюшкины платица в пути не потерялись.

– Тогда его уже должны были вам отправить.

Я припомнила, как наговаривала над меткой адрес меблированных комнат «Гортензия», и повеселела. Кстати, мы незаметно к ним и подошли.

Я рассеянно сообщила о сем факте Крестовскому, потому что опять стала думать о завтрашнем мероприятии, а организм мой устроен таким образом, что думать сразу о двух вещах я не умею.

Шеф не ответил, стоя у входа на манер соляного столба. Я проследила за его взглядом. Вывеска заведения тети Луши сменилась. То есть название осталось прежним, только под ним теперь была еще одна доска, на коей намалевана была большегрудая рыжеволосая барышня в чиновничьем мундире, держащая под мышкой горшок с ярко-синими цветами, по-видимому, гортензией.

– Кхм... – Я решила прояснить ситуацию: – Мне приходится таким образом доброе к себе отношение хозяйки отрабатывать.

– Понятно.

Я от его высокородия это «понятно» за сегодня, наверное, раз пятьдесят слышала. Наверное, это его паразитическое слово или как там оно по-научному называется.

Я попрощалась, оставив Крестовского любоваться шедевром живописи, и поднялась к себе в комнату. Сундук, мой миленький вожделенный сундучище, уже ждал меня там. Я чуть

не расплакалась, проведя пальцами по его треснутой с одного боку крышке. Теперь мы на дело в правильной одежде пойдем, и дело сделаем, и шефу доложим. А он зыркнет своими глазами благостно и скажет: «А вы на диво расторопны, Попович!»

[Купить полную версию книги](#)